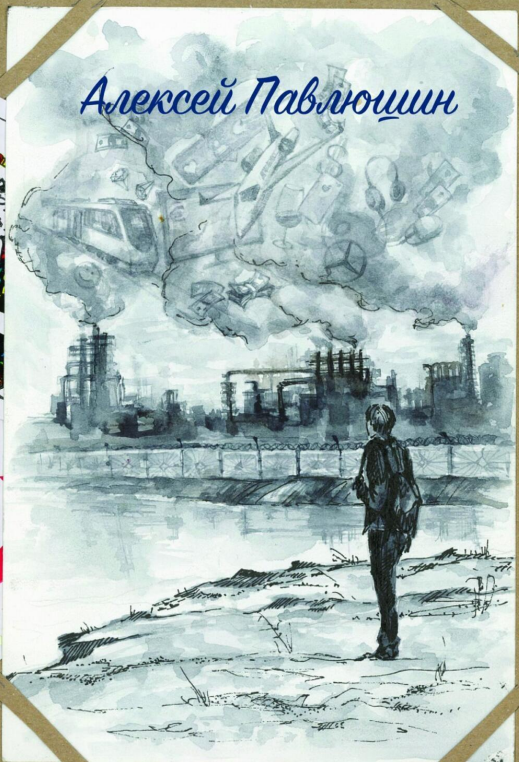

Алексей Павлюшин

ПОВЕСТЬ

Иван Дорога

18+

Иркутская
область
Иркутск

Алексей Владимирович Павлюшин Иван Дорога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43701195

SelfPub; 2024

Аннотация

Говорят, перед смертью каждый просматривает ускоренную версию прожитой жизни. Можно воспринимать этот фильм как угодно, но постановщик в нем всегда один – сам зритель. На этот раз зал занят молодым человеком, а кнопкой, включившей проектор, стал револьвер. Видя себя в роли авантюриста, плохого солдата, фиктивного мужа и «бывшего мертвеца», до поры, герой хочет только одного – изменить сценарий, еще слабо осознавая ценность произошедших с ним событий.

Алексей Павлюшин

Иван Дорога

Глава 1

Солнце только что ушло. Его последние всполохи еще путались в тонком облаке у самого горизонта. Впереди лежал осенний пейзаж: дома вдалеке, сосновый перелесок и берег Обской губы темнел внизу покатыми камнями. В лицо сыпали острые льдинки первого снега, сильно болел бок, и ушиб на голове пульсировал в унисон с сердцем. Позади, то сопя, то кряхтя топтался человек с револьвером. Он только что пригрозил убить меня. Правда, сделал это так наигранно, что я не нашел ничего лучше, чем передразнить его слова и расхохотаться. Вдруг у самого моего уха щелкнул крючок, и после выстрела и длинного звона в голове, пространство впереди раскрылось особым образом.

Я однажды слышал, будто предсмертный просмотр прожитой жизни – это некая укорительная демонстрация высших сил, указатель на впустую потраченные годы, отчет о потерянном времени. Хотя теперь, когда я смотрю свое кино воочию, такое предположение кажется мне глупым. Нет здесь укоризны и морали, нет даже слабого намека на нее. Вся она осталась там, за пределами зрительного зала. Теперь ясно видно, что мой предсмертный фильм – это ответ. От-

вет на вопрос, который звучит коротко и просто: как все это случилось?

Перед глазами поплыли слабо различимые пейзажи. Лица. Отдельные слова на бумажных листах. И грохочущие по дороге колеса грузовика. Внезапно все остановилось и передо мной появилась мать, а за тем и отец.

Благо хоть не вскрикнул с испуга. Хотя, с появлением этих образов страх исчез совсем, остались только картинки, все больше набирающие резкость. К этой ситуации хорошо подошел бы вопрос рефери, обращенный к боксеру, только что перенесшему нокаут: «Как твоё имя?». И я бы четко и ясно ответил: «Меня зовут Иван Дорогов. Я осознаю, где я нахожусь и что сейчас происходит.» Но такого вопроса ждать было неоткуда, и я просто смотрел на родителей и думал, что в этом эпизоде они прежние, и в этом виде их уже нет в реальности. Вдруг, захотелось сделать их образы поярче и показалось, что, если дать им более подробное описание, они задержатся подольше и даже поговорят со мной? Конечно, воспоминания не имеют такой силы, но это стоило сделать, хотя бы ради того, чтобы перестать об этом думать. Итак... «Моя мать Мария Ивановна. Человек высокого самоконтроля. В быту сдержанная и немногословная, но теплая. В обществе: решительная, устойчивая, производящая впечатление сбалансированного человека». Какое-то протокольное описание получается. А вообще это немудрено – она много лет отработала завучем в моей школе. Сейчас даже не представ-

ляю, сколько головной боли я ей доставил. Сколько она просила меня взяться за ум и, хотя бы немного поднять уровень успеваемости. Нет не ради знаний. Черт с ними! Ради общественного мнения. Ведь оно напрямую влияет на ее репутацию. «Сам посуди, чего стоит заведующий учебной частью, неспособный справиться с собственным ребенком? Как такой специалист может управлять другими специалистами? И если ты меня слышишь и понимаешь, ты сам скажешь – никак! Такому человеку нельзя доверять руководство в принципе!», – говорила она, но тем не менее управляла. И вполне себе успешно. При всей своей хрупкости, природа одарила ее крепкой волей, и если на меня ее слова влияли очень условно, то на коллектив школы они действовали магически. Ее слова слышали, ее предложения практически всегда принимались, ее авторитет имел устойчивые позиции. Я тогда не понимал, как это возможно. Мои стереотипы авторитетов говорили: человек с такой внешностью и комплекцией, как моя мать, не может иметь общественного признания. Но против фактов не попрешь и блондинка с большими голубыми глазами, такой тонкой фигурой, что ей неизбежно приходилось ушивать каждое новое платье, спокойно и без эмоций могла поставить на место даже нахрапистого крепкого мужика. Да так, что остальные, на всякий случай, даже не пытались ей возражать, уже по другим вопросам.

Отец объяснял это так: – «Твоя мать умеет рассчитывать силу и действует с упреждением. Она знает, что ей не хватит

воли подавить условный бунт, поэтому она до него не доводит. Для этого она пользуется такими инструментами, как предчувствие и предупреждение. Кроме того, она очень хорошо владеет умением личного разговора. Таким образом, прежде чем выйти перед педагогическим составом и задавать вопросы или выдвигать предложения, она проводит такую массу бесед, что ее публичные слова – это чистая формальность. Еще, мне иногда кажется, ее дар предчувствия – это нечто большее. Может быть это умение предвидеть или предсказывать? В любом случае, я не помню, чтобы она ошиблась, в том, что касается человеческих отношений. Бывали случаи ее решений, когда они выглядели неразумно, но в конце концов они всегда приводили к лучшему исходу».

Да, отец, как никто знал силу ее убеждения – он всегда был подкаблучником и нужно сказать, ему хватало ума это признавать. При всем при том, что он половину жизни занимал руководящие должности. Он имел экономическое образование, но вот уже лет пятнадцать работал главным агрономом в совхозе, для этого даже закончил курсы. В начале восьмидесятых, когда они с матерью приехали в поселок, должности по специальности для него не нашлось. Но городской, образованный человек в сельской местности, в советское время ценился сам по себе. Ему сразу предложили руководящую должность и ничего, что профессия не соответствует образованию, здесь так нуждались в кадрах, что отца выучили за счет предприятия.

Отец всегда был веселым, хотя и сдержанным. Со мной он шутил как-то натужно, грубовато, но это дело обычное, проблема отцов и детей или что-то вроде. Зато с мамой они обменивались такими шутками и делали это так до подробностей идеально, что я смотрел за этим, как за неким театральным представлением. Летом, на выходных они часто садились на лавку под навесом яблоневых ветвей, в палисаднике, пили морс или что-нибудь ели. На матери было летнее платье и широкая шляпа с волнистыми полями, отец сидел в расстегнутой рубашке и босиком. В такие моменты их шутки, как разговоры в целом, были невероятно подходящими к атмосфере. Я и не припомню теперь что-то подобное, впрочем, как не смогу воспроизвести целиком не одной фразы из тех разговоров. Остались только впечатления.

Родители учили меня рассматривать каждого человека, как нечто отдельное, не зависимо от положения, но все же, когда в сентябре они разъехались, а после и развелись, подобный взгляд не объяснил мне ничего. Я отчетливо понял эту прежде пафосную для меня фразу: «этот случай разделил мою жизнь на “до” и “после”!». Она казалась мне смешной, ведь, как правило, ее не очень уместно произносили взвинченные, истеричные тетки в рамках телевизионных передач. Но теперь мои «до» и «после» лежали по разные стороны, а я застрял на разделяющей их линии.

Родители разошлись тихо – никто ничего не знал и не подозревал до последнего. Кстати, так сказать, привычный

порядок развода нарушало еще и то, что именно мать переехала на съемную квартиру.

Первую неделю я вообще не особенно чувствовал разницы, может быть только еда стала хуже, отец плоховато готовил и, может быть, от нервов имел тягу к эксперименту. Но в следующее воскресенье я почти физически ощутил, как разваливается, привычная мне атмосфера семьи. В дом вползла промозглая и рациональная пустота, очень похожая на дождливую осень, ту, что теперь медленно шаталась за окнами. Мозги загудели белым шумом, словно приемник, потерявший волну, и с глаз сошла золотистая пленка, которая делала воздух живым, а атмосферу уютной. В общем тогда я узнал, что имеют в виду, когда говорят о тоске, оказывается все, что я испытывал раньше и называл так же, это только намек на нее или скорее скука. И еще одна странная вещь, мать переехала буквально за несколько кварталов и часто проводывала меня, и я бывал у нее, но никакого намека на прежнее чувство просто не было. А попытка обсудить это привела к ощущению сна. Только моего хорошо усвоенного памятью сна, от которого теперь пришлось проснуться.

Да, что ни говори – тоска поганый попутчик, и познавшему ее известно – эту сволочь нельзя выгнать силой или упросить оставить тебя в покое. Ее можно только обмануть с помощью любого, даже искусственно признанного интересным дела. Где безделье там тоска прорастает сама по себе безо всяких объективных причин, а коль уж причины есть,

чтобы ее пресечь, необходимо хоть что-нибудь делать или хотя бы искать собственную цель. В этом смысле текущие обстоятельства шли мне на встречу – отец потерял и без того плохо оплачиваемую работу и лишил меня всяких карманных денег. Мать, тоже сняла меня с денежного довольствия – зарплату в школе не платили по три четыре месяца, так что цель образовалась сама по себе.

Если говорить о других особенностях этого периода, то вместе с настроением даже не свободы, а беспредела, у граждан по разумению и размаху повально прорезалась предпринимательская жилка. Все стали так или иначе что-то продавать и в какой-то момент вообще казалось, что вокруг только продавцы, торгующие друг с другом. Даже те, кто торговал на рынке ширпотребом, китайскими и турецкими тряпками, смешались с общей массой. Те же, кто продолжал настаивать на утверждении, что торговля – это узаконенное воровство, словно накрылись этой лихорадкой как покрывалом. Они все ещё продолжали бормотать свои идеологически мертвые мантры, согнув спины и грозя пальцем из какой-то иной реальности, в которой «...и Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди!».

Эта торговая истерия не обошла стороной и нас с друзьями, и мы крепко-накрепко решили, непременно тоже вырвать свой кусок из общего потока этого нового времени. Теперь всякий раз, когда мы встречались, каждый из нас старался выдумать идею способную набить наши карманы

деньгами. Но вместо того, чтобы развивать нас материально, больше эти идеи давали нам представление друг о друге. Например, Саня оказался довольно расчетливым и логичным, и, кажется, выпали ему возможность стать настоящим бизнесменом – вполне бы потянул. Леха показал себя, как человек с фантазией, изобретательный, склонный к подробностям, но не особенно верящий в то, что его задумки можно притворить в жизнь – настоящий творческий человек. Дима здесь предстал, как сущность масштабная, стремящаяся, но быстро устающая от своих собственных рассуждений. Еще бы, я бы тоже устал, если бы простор моих взглядов, так же хорошо указывал на тотальную невозможность их осуществить. Вадик в этих разговорах, стал полной противоположностью Димы, его идеи были просты, он предлагал покупать скот живьем, самостоятельно забивать и распродавать его по частям, а всю прибыль пускать на то, чтобы наращивать процесс. Кстати, Вадик всегда предлагал одно и то же, просто подходя к этому делу с разных, иногда самых неожиданных сторон. От него в общем ничего другого и не ждали, он вырос в семье, где жили животноводством и для него что морковку из грядки вырвать, что барана зарезать, дела эмоционально одинаковые. Но остальные из нашей компании были не так просты и решительны, поэтому эта идея не принималась и постепенно приобрела, между нами, облик ее владельца. Теперь становилось ясно – наша общая координация в вопросах предпринимательства равна нулю. Нам не хвата-

ет опыта и сообразительность, и поэтому все наши планы по неизбежному финансовому взлету, летят к чертовой матери даже не начавшись. И всё, на что нам хватает ума, так это на обсуждение чужих уже свершившихся примеров успешного предприятия. И вот однажды, когда мы почти одновременно пришли ко всем известной тупой усталости от бессмысленных слов и между собой прозвали Вадика Мясником, за его неугомонное стремление резать и продавать животных, Дима предложил дельный вариант.

Для введения нас в курс идеи Дима изложил один недавний случай. За несколько недель до этого разговора, он ездил с отцом в одну деревню. Пока отец решал какие-то вопросы с местным главой, Дима ждал его в машине, но скоро заскучал и решил прошмыгнуть по окрестностям, тогда к нему подошел один мужичок. По описанию – замызганный, с отеками красным лицом. Он предложил купить совершенно новый электрораспределительный щит. А в качестве цены назвал бутылку «белой» или две «красного», но, когда Дима отказался, мужичок тут же сбил цену до двух «зеленых» (одеколон). Когда отец вернулся, Дима рассказал ему об этом, думая, что делает это просто ради поддержания разговора. Но тот заставил его найти и купить, что предлагали, пояснив, что упустить такую сделку, значило бы отвернуться от удачи. Дима быстро нашел этого мужичка, а когда тот передал ему электроприбор, между делом сообщил, что если нужно еще, то всегда – пожалуйста. А на вопрос много ли

у него этого добра, гордо ответил: – «Одеколона в магазине не хватит!»

Как мы тогда загорелись этой идеей! Но прежде, чем что-то предпринимать, решили выяснить, кому вообще нужны эти электроприборы. Записав маркировку и название в течение следующей недели наводили справки, и кто бы нам их ни давал, выходило так, что все дороги ведут к Роме по кличке Поролон. Это был самый скользкий из всех известных прощелыг. О его верткой расчетливости и умении заработать там, где заработать невозможно, ходили если не легенды, то байки точно. С тем, хоть он и настаивал на названии себя самого модным словом бизнесмен, в контексте сельского размаха, больше чем на барыгу не тянул. Бизнесмены заседают где-то там в столицах. Удаленно торгуют недрами и «драми». Учиняют международные форумы, на которых решают, где проложить очередной торговый путь. А Поролон – это так, мелкая нервная тля с купеческими амбициями. Кстати, происхождение его прозвища брало свое начало не от фамилии, а как ни странно именно от качества материала поролон и всякий, кто знал Рому, мог бы подтвердить, как сильно оно ему идет. Теперь ему было лет около двадцати, а несколько лет назад с ним произошел один казус, лучше остальных описывающий его предпринимательский талант.

Как-то раз появилась у Ромы необходимость съездить в соседнюю деревню, километрах в тридцати от поселка. Взял

машину у отца, поехал, но на обратном пути горючее кончилось. А дальше, как в анекдоте: и денег нет, и до заправки далеко. Тогда решил обратиться к проезжим автомобилистам, махнул рукой, объяснил ситуацию и вот уж пять литров в баке. И нет бы ехать себе домой, но не был бы Рома Поролоном если бы поступил так. Стал и дальше останавливать машины, брать с каждого понемногу, пока на его взмахи не остановился ЗИЛ, из местной автоколонны. И не ясно откуда у его водителя нашлась такая щедрость, но слил он с бака сразу пятнадцатилитровое ведро. Рома обрадовался, стал заливать топливо, вот только и трети ведра в бак не влезло, когда бензин через край потек. С тех самых пор у Ромы нос чуть на бок свернут. Его, конечно, били не каждый раз, когда он предпринимал нечто новаторское, но мне думается, даже если бы били каждый, он все равно не смог бы этого бросить – заложник искаженного мировоззрения, не иначе.

Встреча с Ромой дала моментальный результат – мы выяснили сколько нам готовы заплатить. Рома не называл конкретной суммы, но сказал, что даст треть от той, которая указана на ценнике в единственном на всю округу магазине электротоваров. Дополнительно сообщил, что если вдруг нам понадобится машина с водителем от него, то это будет уже четверть суммы все от того же ценника. Но так или иначе для разведки необходимо было ехать независимо ни от кого, иначе пришлось бы оплачивать поездку в любом случае.

Над организацией выезда провозились целую неделю,

и если деньги на предполагаемую покупку, как ни странно, нашлись быстро, то машину искали дольше всего. В конце концов Дима доконал родителя дать нам грузо-пассажирский уазик, имеющийся у них в хозяйстве, но только на условиях, что мы сами обеспечим себя топливом. По понятным причинам рассказать правдивую версию нужды в нем мы не могли, и Дима объяснил это необходимостью практики вождения, что его отец только приветствовал.

В общем собрались и отправились, правда вчетвером, Вадик не смог поехать, и как сказал об этом Саня: «Наверное, гусям головы рубит? Он же вечно их кому-нибудь рубит!» Примерно к обеду мы въехали в деревню и прокатившись по центральной улице дважды, дружно устали на Диму, тот только бормотал: «Смотрю, смотрю...», – как вдруг умолк и, напрягшись, резко прибавил ход. Машина с пробуксовкой пошла вперед, подпрыгивая на кочках, переходящих в ямы. Проехали узкую вырубку, зажатую между дорогой и речушкой с болотистым берегом. По узкой тропинке, вдоль воды шел маленький рыжий мужичок в широком длинном балахоне. Вдруг Дима завопил и ткнул в открытое окно пальцем:

– Вот он! – и ударил по тормозам так, что визг колодок разлетелся по окрестностям рваным эхом.

Мужичок замер как вкопанный и вытянул шею, отчего стал напоминать сурка, высматривающего опасность. Но спустя долю секунды бросил какой-то узел и рванул вдоль

дорожной насыпи в противоположном направлении.

– И че было орать? – сквозь смех спросил Саня.

– Че делать? – напрягся Дима.

– Дави педаль, может, еще догоним! – предложил я, и машина рванула с места.

Мы быстро поравнялись с бегуном и стали поочередно выкрикивать всевозможные уговоры для его остановки. Но спринтер был неуклонно сосредоточен на беге, пока вдруг не исчез с глаз.

Дима остановился, мы выскочили из машины и разбежались по обеим сторонам насыпи. Я и Саня спустились к вырубке, а Дима с Лёхой на противоположную сторону дороги. Стоило разглядеть отверстие водосточной трубы под полотном тракта, как я невольно расхохотался.

– Мужик, вылезай!

– Не сяду, не сяду, не сяду... – слышалось из трубы монотонное повторение похожее на мантру.

– Это китайское КГБ! – гнусаво и громко объявил Саня. – По законам военного времени – расстрел на месте!

Реагируя на мой укорительный взгляд, Саня насмешливо хмыкнул и отошел в сторону.

– Мужик вылезай! Поговорить надо! – предложил Леха уже с обратной стороны трубы, но мужичок заладил свое «не сяду...» и не поддавался на уговоры.

Минут около десяти мы поочередно упрашивали его вылезти, пока наконец не рявкнул Саня:

– Дима, ты балбес! Ты его напугал, ты и доставай!

И после короткой нервной перепалки Дима все же полез в трубу, кряхтя как старый дед.

Из трубы доносилась возня и короткие крики, Леха напряженно прошептал, что, если вдруг рыжий вырвется, нужно быть готовыми его принять. Хотя это не пригодилось и спустя полминуты Дима выволок его за шкуру, встряхнул, и сказал, снимая с его башки кусок налипшей паутины:

– Помнишь меня? Ты элекроштиток мне продал!

Но остекленевшие глаза мужичка выражали темноту ночного леса, и он только часто моргал и громко сопел.

– Нет не годится, давай его в машину! – сказал я и взял мужичка под руку.

Усадив его на заднее сидение, мы на все голоса втолковывали ему, что не имеем ровно никакого отношения к милиции и правоохранительным органам вообще. В качестве аргумента предлагали собственную молодость и невозможность быть занятыми на какой бы то ни было службе просто по возрастному несоответствию. Психологическая блокировка сошла с застывшего лица мужичка, только когда Сания показал деньги.

– У нас макулатуры не хватит, но в Европе пытки запрещены! – наконец хоть что-то произнес мужичок, поправляя свой балахон.

– Выпить хочешь? – поинтересовался Леха.

– Где чай, там и шампанское, но лучше градус не пони-

жать! – выдал мужичок.

– Ты это о чем? – прищурившись, спросил Саня.

– Я лично буду водку, а вы можете хоть «Буратину» – я не обижусь! – громко и нервно сообщил мужичок.

Первым захохотал Дима и завел мотор. В магазине купили бутылку водки, стакан, хлеб и кусок вареного сала.

Мужичок пожелал всем удачи здоровья и материально-го благополучия и ловко проглотил налитый до краев стакан. Встряхнулся, занюхал хлебом и представился Леопольдом. Спустя пару минут он внимательно поочередно рассмотрел нас и согласился с тем, что мы слишком молоды для службы в органах внутренних дел. И только тогда стал разговаривать по существу.

А по существу, через час мы выехали из деревни в под завязку набитой электрооборудованием машине. Так что Ле-ха с Саней всю дорогу тряслись в неудобных позах, прижатые коробками с электрощитами, грудой розеток, электросчетчиков и пакетных выключателей. На мой вопрос Леопольду откуда все это, он ответил: «Из леса», и я больше не приста-вал с расспросами. Главное, что товар был совершенно но-вым, и его кондиция, по крайней мере внешне, не вызывала никаких сомнений.

Домой приехали уже к вечеру и сразу рванули к По-ролону. Он, конечно, возмутился для порядка, болтая о раз-делении рабочего и личного времени, но, рассмотрев товар, дал отмашку разгружать. Кстати, заплатил не просто ту це-

ну, что обещал, но еще и накинул за качество, с тем, что, если найдется еще нечто подобное, мы должны рассматривать именно его, как первого претендента на покупку. Рома назвал это электрооборудование «высшей пробой» и сообщил, что в наши края такое практически не привозят. (Наверняка имея в виду его высокую стоимость для среднего достатка поселкового жителя, а с тем и сложности его реализации – но то были официальные цены). Хотя лично мне было на это наплевать, ведь все сложилось как нельзя лучше, и в моем кармане теперь лежала половина месячной зарплаты среднего служащего.

Рома предпринял несколько попыток узнать откуда все это, но по дороге мы сговорились молчать и не сообщать об этом источнике не только какому-то Поролону, но и близким. Черт подери, мы решили до поры не посвящать в это даже Вадика. Нужно было взять паузу и до следующего рейда эту тему никак не тревожить. А нуждающийся в деньгах больше нашего Вадик, ощутив перспективу наживы обязательно бы начал склонять нас к как можно более скорому повторному заезду. Тем более что за ним водились грешки из разряда отступления от общих интересов в пользу личных.

Уже немного позже я хоть и с трудом, но объяснил для себя почему мы тогда остановились и не стали что называется «ковать железо пока оно горячо». Это был страх наказания за успех. Ведь любой человек, не обделенный здравым смыслом, при этом смело движущийся к цели, почти на-

верняка знает, как обращаться с возможной проблемой в избранном им деле, потому как он видит его целиком. А наша вылазка сложилась полностью из удачи и ничего за ее узким коридором нам не было известно, а значит, могло грозить чем угодно. К тому же, вскоре меня отвлекли другие дела.

Тогда я все еще учился в школе, и после новогодних коротких каникул мне пришлось сдавать и передавать чертову уйму контрольных работ и сочинений. Все потому, что стоило матери ослабить контроль за моей успеваемостью, я в тот же миг прекратил нормально учиться. Как узнал позже, учителя не обращались с жалобами к матери на мои прогулы от того только, что их непосредственная начальница теперь пребывала в состоянии развода. Будоражить человека в таком положении считали неучтивым и, может быть, даже небезопасным, давая время прийти в себя, и теперь это время вышло.

Кстати, мать, изучив статистику моей успеваемости, отреагировала даже не спокойно, но легко, сказав что-то вроде: «Ну что же, Ваня, ты всегда был творческой натурой...» Тогда мне наконец стало отчетливо ясно, что развод родителей окончен. Ведь сейчас мать виделась мне неким отдельным или даже чужим существом. И ее взгляд на мир, теперь не мог поколебать какой бы то ни было внешний раздражитель. Единственное что осталось для меня загадкой – почему мать развелась с отцом, а я чувствовал будто это произошло со мной. Или, может быть, мне просто так казалось?

В любом случае за эти несколько месяцев мать очень изменилась. Эта ее умеренность и собранность уже не открывалась тем теплом, что прежде. Теперь она казалась мне величественней, недоступней и горделивей. А после смены привычной прически на короткое каре и вовсе стала напоминать снежную королеву.

Отец же тем временем стал совсем тихим, но не подавленным, а скорее бесцветным, словно всем своим видом говорил, что не хочет выделяться. Все больше читал Блаватскую и Гурджиева, а цитировал почему-то Набокова и Салтыкова-Щедрина, наверное, считал, что это мне более по возрасту (или скорее сознанию). По специальности устроиться не смог и теперь работал сторожем в военкомате и все больше походил на мягкого папу, а не на энергичного отца. Хотя сторожу с высшим образованием дымка принятия философа-практика даже к лицу. Кстати, рассеянность понятий и восторг по поводу мелочей, более никому не доступных, тоже. Оправившись от развода, папа, конечно, чуть поседел и схуднул, но теперь стал глубоко спокойным, легким и по-стариковски теплым – он сильно постарел тогда.

В начале марта девяносто восьмого, мать предприняла новый выпад, к которому я не был готов совершенно. Она взяла отпуск с последующим увольнением, дождалась расчета и укатила в Новосибирск к матери, то есть моей бабушке, оставив для меня только короткую записку в почтовом ящике.

Оказывается, я нуждался в матери больше, чем сам о том думал, и ходил ошалелый целую неделю. Дело оказалось не только в том, что я заскучал, но с ее увольнением еще и в школе начался кавардак. Причиной тому стала Копейкина Антонина Семеновна – учительница математики, теперь занявшая место матери на должности завуча. Я уж не знаю, с чего ее прорвало, но только теперь она стала цепляться по пустякам и занижать мои оценки, притом, что ни с алгеброй, ни с геометрией прежде у меня проблем не было. Во всяком случае не больше, чем у других моих одноклассников. В общем, атмосфера все накалялась. Кстати, в опалу точно так же, как и я неожиданно, попали еще трое из класса, эти выделялись особенно слабой успеваемостью. В итоге дело дошло до того, что в конце мая, в канун экзаменов для выпуска из девятого класса, Антонина Семеновна собрала нас в своем кабинете и открытым текстом выдала: «Вам не нужно идти в десятый класс! Кого увижу на следующий год, выпущу со справкой!». По-моему, доступней некуда! Если по поводу моих коллег по опале у меня вопросов не было, то на свой счет я проконсультировался с единственным учителем, которого по-настоящему уважал, Петром Петровичем, нашим историком. Тот свободно разъяснил, что у Антонины давно накопилась масса вопросов к моей матери, которые она не могла себе позволить задавать прежде. И теперь они валяются на мою голову в качестве этой неприязни. В общем, Антонина Семеновна, как и всякая новая власть, взялась за чистку

рядов по собственному разумению, эти трое неуспевающих – портили ей статистику, а я – настроение.

Месяц спустя, получив аттестат об окончании девяти классов, я со спокойным сердцем забрал документы и унес их в местное профессиональное училище. И хотя это и считалось некой наклонной, прокатившись по которой стереотип приводит всякого к неизбежному проклятию рода человеческого, – физическому труду, мне было все равно. Хотя даже не все равно, скорее я это рассматривал как демарш. Глупо, конечно, но мне думается, дело было даже не в неприязни Антонины Семеновны, скорее мне больше хотелось насолить матери, так небрежно поступившей и даже не удостоившей меня своим прощаньем перед отъездом. И это типично детское: «... вот когда узнает, что ее сын даже не окончил школу, вот тогда...», а что произойдет тогда, уже значения не имело – просто грел этот дурацкий импульс и на этом все!

В новое лето я вышел таким свободным, каким прежде и представить себя не мог. Не важно, что впереди была другая учеба, ведь я не знал, что она собою представляет. Просто заблаговременно предвкушал нечто гораздо более лучшее, чем ненавистная школа, от одной мысли о которой портилось настроение.

Время лета, как водится, утекало быстрее, чем любое другое, и пока оно не иссякло совсем, зрела необходимость что-то предпринимать. Тем более что закончившаяся линия резких скачков проявила нужду в деньгах острее прежнего.

Новый период стал беспокойным и богатым на перемены не только для меня, но и для моих друзей. Допустим, между Лехой и Саней, прежде воспринимаемых мной как братьев, появилась некая дистанция. Причиной тому стало новое замужество Лехиной мамы. И исходя из последовательности известной только женщинам, она тут же поссорилась с подругой, которая в свою очередь являлась мамой Сани. Теперь Леха с Саней обязаны были делать вид, что тщательно выполняют требование своих матерей, – прекратить всякое общение. Хотя их самих это больше веселило, и подобное предписание никак не влияло на их братское отношение друг к другу, по крайней мере внешне. Дима где-то пропал два месяца, а когда вернулся, мы не сразу его узнали. Во-первых, он порядком поправился. А во-вторых, на его привычно лысой башке, отмеченной только неким подобием большой перевернутой брови по контуру лба, вдруг появились волосы. Нормальная пышная, даже запущенная шевелюра. Вадика тоже долго не было видно, этот не в пример мне вообще бросил всякую учебу и с головой ушел в хозяйственные дела. Он сильно отдалился от компании и теперь смотрел на нас с неким усталым прищуром очень занятого, но снисходительно оторвавшегося от дел крестьянина.

Как не хотелось говорить о чем-то беззаботном и необязательном, при каждой нашей встрече все разговоры скатывались к необходимости заработка. Это здорово раздражало, не меньше чем то, что ничего, кроме уже известной схе-

мы, выдумать так и не смогли. В общем, снова встретились с Ромой. Тот отчего-то удивился, увидев нас, и долго спрашивал, все ли у нас хорошо, а на мой вопрос нужен ли ему тот же товар, что мы предлагали раньше, утвердительно ответил: «Нужен!».

Сделали все по-старому, за исключением того, что теперь нас был пятеро. В этот раз обошлись без «веселых стартов» и дождались Леопольда у его дома на самом краю деревни. Точнее, маленького бревенчатого домишки, с перекошенной крышей и несоизмеримо большими хозяйственными постройками.

Леопольд только увидел машину, долго всматривался в лобовое стекло, как вдруг взялся махать руками и вообще стал приветливым и смешным. Долго спрашивал, куда мы пропали на полгода, и тут же моментально разболтал, что теперь у него есть большой покупатель на его товар. А завидев наши расстроенные лица сказал, чтобы мы раньше времени не волновались, потому как для нас он чего-нибудь наскребет.

Пока грузили машину все тем же оборудованием, Саян отметил, что Леопольд с прошлой нашей встречи порядком успокоился и стал выглядеть куда лучше. Одна одежда чего стоила: ветровка, брюки без дыр и практически новые кроссовки, и по сравнению с теми ремками, в которых он прятался от нас в трубе, – это были небо и земля. Леопольду явно это льстило, и он, приосанившись, сообщил, что это его

«большой покупатель» так снабжает. В довершение к тому сообщил, что он теперь еще и присматривает за местным дурачком Кешей по кличке Султан. Стоило только помянуть Кешу, о котором лично я до того ничего не знал, как он тут же и появился, взявшись радостно и суетливо вертеться вокруг машины, напоминая своим поведением приветливую собаку. Окончив погрузку, Саня рассчитался с Леопольдом, который заострил внимание на том, что теперь берет только деньгами. На мой вопрос: «Что, пить бросил?», он сказал так: «Нет – просто теперь знаю, как надо!» Поочередно пожав руки Леопольду, мы уже было начали садиться в машину и даже открыли двери, как вдруг Кеша вскрикнул: «Стой-постой!». Мы замерли, вопросительно глядя на него. Тот осмотрел нас, отошел чуть в сторону и, поочередно указывая пальцем на каждого, стал говорить на манер детского стишка. Первым указав на Леху: «Этот пойдет!». Затем уставился на Саню, – «Этот споет!». Поднял указательный палец вверх и посмотрел на меня, – «Этот тропинкой кривою взойдет!». Вскользь посмотрел на Диму – «Этот из чашки железа хлебнет!». И вдруг остановившись на Вадике как-то особенно страшно и негромко сказал: – «Этот придет еще раз и умрет...»

Все мы, само собой, рассмеялись, но мне показалось что каждый из нас тогда порядочно напрягся. Уж слишком пронзительно звучал этот стишок, словно пролезший сюда из какого-то другого – «того света». Леопольд предложил не обращать внимания на эти слова, и мы наконец двинулись в

обратную дорогу.

Ехали, шутили и, не сговариваясь, смеялись над чем-то не относящемся к этой поездке. К тому же, вместе с нарочитым и поверхностным весельем все указывало на то, что слова Кеши нашли свой отклик в каждом из нас. Но, как бы то ни было, к вечеру приехали домой и безо всяких вопросов и преград продали Роме все до последней розетки. Разделили деньги на пятерых равными долями. После Дима развез всех по домам, а когда подвозил меня, последним из компании, вдруг выдал:

– Не могу отделаться от мысли, что еще не всё! Сам посуди, как это может быть – мы два раза приезжали и оба раза все как по нотам! Леопольд как из воздуха добывает отличное электрооборудование, притом, что вокруг кроме леса, заброшенной фермы и разворованной моторо-тракторной мастерской, ничего нет! Где он это берет, он же почти бомж? Нет, такого не может быть... и за такое придется платить!

Я уже было с ним согласился, но только из нежелания спорить, в то время как про себя ничего подобного не ощущал. Я, честно говоря, вообще не чувствовал даже намека на какой бы то ни было проступок, в эмоциональной оценке это больше походило на некую детскую шалость, оставшуюся безнаказанной.

– Погоди, Дима, но ведь ты прав и еще не все! – сообразив, сказал я. – Поролон готов покупать – Леопольд продавать!

Что ты вдруг о наказании? Поработаем еще, как считаешь?

– Наверное... – задумчиво кивнул Дима, – но надо переждать!

– Что переждать?

– Не знаю, но надо переждать. – повторил Дима, и мне показалось, что я понял, о чем он говорит. На том и разошлись.

Дальше пошла какая-то обыкновенная летняя жизнь. Зелень набрала цвет, и под почти весеннюю канонаду нескольких гроз подряд время перевалило в июль. Оказывается, за разглядыванием себя самого я и не заметил, что отец самостоятельно посадил огород, который уже давал всходы. Завязи нескольких яблонь под окнами постепенно набухали зеленою плодов. И вообще, я только-только осознал, что кругом теперь стоит лето, а я упускаю его каждый прожитый день.

Стоило поделиться этим соображением с отцом, как он без промедлений выдал мне действительно дельный совет – поехать на озёра. И почему я сам об этом не подумал? Какие-то тридцать километров на машине и еще десяток пешком и вот тебе просторный отдых, без цивилизации и условностей. Хочешь купаться – вот тебе озеро! Хочешь орать – вот тебе лес! А когда обсуждали поездку уже с друзьями, не менее веский аргумент был приведен Димой: «Туристки опять же... новые, городские! Они же поразвратней наших, у них же там распушенность и свобода нравов!» Но Саня, который не умел терпеть пустого трепя, сорвался и выдал:

«Может, они-то и развратные, и новые, да ты то старый! Кого ты там соблазнишь со своим тыр-пыр, морда красная, анекдоты рассказывать будешь? Или к сиське тянуться дрожащей рукой?», но Дима не поддавался на грязные обвинения в том, что он негодный ловелас, и ответил, что просто купит больше водки и вина.

Глава 2

Со сборами провозились пару дней, набрали тушенки, сала, крупы, картошки и макарон. Кроме того, Дима, как и обещал набил отдельную сумку исключительно бутылками с алкоголем – видно всерьез рассчитывал на развратных туристов?

Вдруг в последний момент Вадик отказался ехать, сказав свое универсальное: «Не могу – надо за хозяйством следить!» Тогда Леха, помню, удачно сострил и сказал что-то вроде: «Говорят, если слишком тщательно следить за хозяйством, то может появиться сыпь.» Вадик не поехал, хотя согласился нас подвести до ворот заповедника на отцовском ГАЗ-53, с тем чтобы сразу вернуться... и, наверное, следить?

Те десять километров от забора, отделяющего заповедник от населенного пункта и вообще всего существенно менее заповедного, дались нам неожиданно легко. Вот только Дима всю дорогу ныл насчет неудобной сумки с бутылками, сначала мостил ее и так, и сяк, а после до самого конца

не оставлял попыток всучить ее кому-нибудь из нас. Но мы только лишний раз хохотали и не поддавались на уговоры, продолжая нести только свои рюкзаки.

Ранним вечером добрались до места. Обозримая часть берега озера стояла пустой. И лишние необходимости искать место побезлюднее, останавливались неподалеку от тропы. Места для кемпинга здесь уже были оформлены, правда с разной степенью комфорта. Мы выбрали то, на котором имелся стол и скамейки из распиленных вдоль бревен, устроились, разбили лагерь, запалили костер и соорудили ужин. Только уселись есть, Дима чего-то забормотал и вытащил из своей «неудобной» сумки бутылку водки «Лимонной». Нарезал сало и предложил выпить за нашу вылазку и коммерческий успех. Леха тогда весь переморщился и сказал что-то около: «В этой водке лимонного: только лимон на этикетке!»

Не успели мы допить эту бутылку, как сильно и почти моментально стемнело, и вместе с тем вся природа вокруг стала громче и отчетливее слышна. Пока я вслушивался в треск леса и плавный шум накатывающих на берег волн, сидя на краю скамейки, Леха и Саня так же молча и задумчиво шевелили костер, рассевшись по низеньким пенькам. Вдруг Дима встал из-за стола и, потянувшись, неожиданно произнес:

– А где тут бабы-то?

Более быстрого и идеального «убийства» того легкого и почти мистического настроения я уже не припомню, но

хохотали мы тогда все четверо и почти до слез.

Самое интересное, стоило только отсмеяться и откупорить еще одну бутылку, на этот раз «Кедровой» водки, откуда-то слева в круг света от костра вступила молодая девушка. Одета в узкие джинсы, зеленую ветровку и платок, завязанный на затылке. На плечах висел высокий рюкзак, а в руке она держала длинную палку с загнутым краем. Она стояла молча и осматривала нас, когда Саня негромко сказал:

– И сказал Дима: «да будет баба!», и стала баба... – Санина мать ходила в церковь и от того ли в его речи время от времени проскакивали подобные выражения.

– Добрый вечер! – сказала девушка и, улыбнувшись, подошла ближе к костру.

– Добрый! – подтвердил я, и все остальные вслед за мной.

– Что-то я припозднилась. Темно уже, ни дров не собрать, ни палатку не поставить.

– Ты что, одна? – удивленно спросил Саня.

– Нет. Еще двое следом идут.

– Ты присаживайся! – предложил я, а Дима указал на скамейку, отступая к костру.

Девушка сняла рюкзак и, подперев его палкой так, что он остался стоять не падая, прошла к столу и, протянув мне руку, представилась Катей. Я с непривычки рассеянно пожал девушке руку и назвал свое имя. После Катя, ловко обойдя остальных, пожала руки остальным и уселась на скамейку. Вздохнула, склонившись вперед, и стала расска-

зывать о запоздавшей машине и крохоборах перевозчиках, стараясь объяснить (возможно, больше самой себе) почему она не успела на озеро засветло.

– Ну хочешь, ставь палатку здесь! – предложил Дима, указывая на просторный чистый пятачок, чуть левее наших палаток.

– Да, можно?! – радостно и удивленно воскликнула она и почему-то посмотрела на меня.

– Ставь! – сказал я. – Помочь?

В этот момент на свет вышли еще две девушки. Тоже улыбчивые, хотя и слегка замученного вида. Эти представились Софьей и Лерой.

Нашей помощи в установке палатки не потребовалось, ведь у девчонок она была самой современной. Стоило ее достать из чехла, как она практически сама поднялась на складных полукруглых дугах. Таким образом, оставалось только зафиксировать ее на земле восемью колышками. Наши двускатные брезентовые палатки на фоне этой кульминации современной туристской мечты выглядели слегка отстало. А стоило девушкам окончить установку своего красно-синего шатра, в довесок перед ним появилась еще и маленькая прямоугольная прихожая, и мы решили выпить отдельно за нее.

Девчонки оказались веселыми и открытыми и болтали обо всем, чего не спроси. Кроме прочего рассказали, что они студентки-экологи из Красноярска. Буквально только что окончили первый курс и предприняли первую само-

стоятельную вылазку на природу за пределами своего родного края. Говорили, как им нравится местная природа и как сильно она отличается от той, к которой они привыкли. Разговор все больше уходил в ту плоскость, в которой нужно пить чай, а не водку, и смотреть на звезды, а не друг на друга. Против этого незамедлительно восстал Дима, тут же предложив выпить за встречу и знакомство. Девчонки, к моему удивлению согласились, только взяли паузу, чтобы умыться и, вернувшись с озера к костру, тут же осушили кружки.

Катя повесила свой котелок на таган и взялась что-то готовить. Спустя полчаса все сидели сытые, и забродивший в крови алкоголь теперь позволял говорить на темы более неформальные и обязательные, чем природа, погода и жизненный курс. И тут неожиданно взвился Саня, и он понес что-то невнятное с намеком на агрессию, а после, собравшись, вдруг выдал:

– Экологи – это то же самое, что вегетарианцы и феминистки?

Катя тонко улыбнулась и посмотрела на меня. Я только развел руками и кажется нелепо и стыдливо улыбнулся. Тогда она сказала, размеренно произнося каждое слово:

– Нет, Саша. Экологи изучают природные взаимосвязи, вегетарианцы не едят мясных продуктов, а феминистки – за равные гражданские права для женщин и против сексизма.

– Вот я и говорю, вся эта ...братия одного поля-ягоды... – поднявшись и отступая куда-то в темноту леса начал было

Саня, но вновь перешел на невнятную болтовню.

– Что это он? – спросила Лера.

– Нервы, наверное, сдали, вот и нажрался, – ответил Леха.

– А я заметил, что ты мужиков не долюбилаешь! – вдруг подал голос Дима.

– Этот-то, когда успел? – удивленно поднимаясь с места, сказал Леха, глядя вниз.

И правда, Дима абсолютно незаметно для нас и главное очень быстро, сменил состояние и теперь был просто безобразно пьян. Сполз с короткого пенька в неестественную позу и, болтая головой на ослабевшей шее, пялился в костер опустевшими глазами.

Девчонки тихо рассмеялись, а мы с Лехой подняли Диму с земли и запихнули его в палатку не встретив сопротивления. Тут из леса вырuling Саня. Вскинув указательный палец вверх, он начал высказывать что-то, но споткнулся о колышек палатки и растянулся на низких можжевельных кустах, так не произнеся ни одного внятного слова. Его уложили в ту же палатку, что и Диму.

– Они всегда такие? – спросила Катя, натужно улыбаясь.

– Честно говоря, сегодня вечер открытий... – начал Леха.

– Лично я Саню вижу таким впервые, – добавил я.

– А-а-а... – протяжно выдала Софья, – ...но вообще-то обычно мужчин мы долюбываем, – и громко засмеялась, а вслед за ней и ее подруги.

Я невольно улыбнулся, а Леха только поднял брови

и предложил выпить. Подбросили веток в костер и вынули из Диминой «неудобной» сумки еще одну бутылку. На этот раз безо всяких намеков на пользу в названии, а конкретно «Столичной».

Спустя примерно час то странных, то смешных разговоров, время от времени начали проскальзывать недвусмысленные намеки. И вообще, девушкам наверняка было интересно подразнить малоопытных пацанов на сексуальную тему? Вскоре уже несколько напряженную атмосферу разрядила невнятная болтовня из палатки вместе с протяжным храпом.

– Давай, Катя... бери его, тише-тише...

Софья с Лерой почти синхронно уставились на Катю, а она вытянула шею, поправила свалившейся на глаза локон и сказала:

– Как приятно, когда знаешь, что кому-то снишься, – и вдруг расхохоталась, зажимая ладонью рот.

Так под иногда повторяющийся сладострастный шепоток Димы и зверский храп Сани просидели допоздна, а как только догорел костер, все разбрелись на ночлег.

Вся следующая неделя была пропитана какой-то чуть приглушенной эйфорией. Каждый день палило солнце, а от того, что это было время после дождя, на берегу кроме нас пока никого не было, разве что какой лесник проедет на лошади. Дни напролет купались и шатались по окрестным лесам, и хоть для ягоды сезон еще не наступил, хватало одно-

го сладковатого таежного запаха, чтобы во рту остался медовый привкус. Озеро быстро прогрелось только на поверхности, так что если во время плавания температура была в самый раз, то приняв вертикальное положение в воде, ноги по щиколотку тут же обжигало холодом. Девчонки свою палатку так и не переставили и всю неделю провели с нами. День на третий Дима ни с того ни с сего вдруг стал устойчив к алкоголю, и никто ничего не понял, пока он после обеда не отправился на прогулку в лес вдвоем с Лерой. Катя на это сказала так: «Наверное, нашли способ борьбы с комплексами? И что это за способ такой?» Потом они с Саней выясняли, что это за способ, а вот я, как и Леха с Софьей (хотя этим я свечек не держал) все прохлопали и остались в этом смысле и на этот раз не просвещены.

В начале следующей недели наш отдых подходил к концу. Прощаться с девчонками не хотелось, и пусть сил было еще хоть отбавляй, но продукты уже закончились. К тому же имел место уговор с родителями именно на этот период времени. В общем, обменялись контактами, пообещали друг другу звонить-писать и, «оставив дам на берегу» (они запланировали месяц отдыха), отправились в обратную дорогу.

Не торопясь и налегке, во второй половине дня добравшись до ворот заповедника, мы только теперь задались вопросом, кто же нас повезет обратно? Ведь мы не удосужились об этом хоть с кем-нибудь договориться заблаговременно.

Пошли искать телефон. Дима предложил позвонить отцу, чтобы он забрал нас, но это не пригодилось. Пока брели до местного магазинчика нас подобрал Макс – Санин родственник. Формулировка, определяющая степень его привязки к их общему генеалогическому древу, вообще не поддавалась внятному определению (как выражался сам Саня, когда речь шла о ком-нибудь таком: «Это брат сестры левой бабушки»).

Макс занимался перевозкой туристов и теперь возвращался с доставки очередной группы. В его распоряжении имелся практически новый УАЗ-452 или «буханка», так что ехали с комфортом. Саня, понятно, уселся вперед и какое-то время говорил с Максом исключительно об их общих родственниках. Кто женился, кто здоров, а кто не очень, упоминали родившихся детей, чью-то бесконечную стройку, ремонт, и огород. Но когда речь зашла о плачевном состоянии здоровья какой-то очередной тети Поли, Саня глубоко вздохнул и рявкнул:

– Да я еще в садик ходил, когда говорили, что она одной ногой в могиле! Такие не умирают!

Макс рассмеялся и притормозил перед мостом, вдруг часто закивал и спросил:

– А ты ведь такого Вадима Зимина знаешь? Вы дружили вроде бы...

– Ну! Мы и сейчас дружим. Вадик нас до заповедника и подвозил неделю назад.

– Похоронили вчера, – выдохнул Макс.

У меня в эту секунду ком в глотке встал, и я закашлялся. Машина тем временем прошла мост и, миновав красные столбы вечно поднятого шлагбаума, поползла в горку.

– Ты шутишь что ли? – сипло сказал Саня.

– Какие шутки, на новом кладбище вчера закопали. Говорят, сгорел в машине... из деревни какой-то ехал! – ответил Макс.

Оставшиеся двадцать пять километров ехали молча. Только когда вылезли на перекрестке, где обычно собирались, прежде чем что-то затевать, Дима сказал:

– Надо придумать что говорить... если спросят!

– Если? – по-любому спросят! – рявкнул Леха.

– Будем говорить, как есть! Нас отвез – сам не поехал! – предложил я.

– Вадика жалко! – сухо выдохнул Саня. – Чё он с нами не поехал?!

Договорились созвониться позже и разошлись по домам. Не знаю кто и что себе думал тогда, а у меня все крутилась мысль о судьбе. О том, что дальше носа своего ничего мне не видно, и с кого спрашивать за то, что происходит с нами не по нашей воле? и кто этот «кто»?

Отец встретил меня вопросом: «Хорошо ли отдохнул?». А когда его чересчур обходительный и внимательный посыл стал приторно нарочитым, я сказал о том, что уже слышал про Вадика. Потом мы долго говорили о смерти. Отец

приводил примеры из собственного опыта столкновения с ней, и все больше твердил о том, что ее познать нельзя, можно лишь принять ее факт. Притом, что познания эти рано или поздно станут доступны каждому. Философ – что с него возьмешь. Не будь он философом, смог бы сбросить ношу своих заслуг так легко? Смог бы пойти на вакансию сторожа с тем что привык к ответственности за несколько сотен человек? Смог бы не запить как все прочие, когда любимая женщина исчезает из его жизни как сон? Да, тогда сквозь пробитую брешь в моем юношеском мировоззрении я хорошо увидел, что мой отец очень сильный человек.

– Знаешь Ваня, а вчера вечером заходила Соня (мама Вадика). Спрашивала не видел ли я Вадима, и, может, он с вашим Ваней куда-то ушел, и что не может его найти. Тяжело ей сейчас, а мы ведь с ней рядом стояли буквально часов за шесть до этого...на кладбище, – говорил отец. – Вы бы сходили к ней как-нибудь, да и на могилу тоже, а Вань?

Я, помню, только кивал и думал, почему я ничего не чувствую. Больше размышляю о Леопольде и Роме, чем о смерти или о чем там еще положено размышлять в таких случаях?

На следующий день собрались вчетвером и поехали на кладбище. В гастрономе купили граненый стакан и четыре одноразовых, я прихватил бутылку «Кагора» (вернее, отец вручил, с тем что все равно будем что-то символически выпивать, так уж лучше «Кагор»). Кладбище было совсем

новым – десятков пять могил, и на двадцати крайних холмы еще травой не поросли. Новый сосновый крест из прочей геометрии разметки выделялся сразу. Ну что, налили вина, и Вадику поставили, правда, хлеб забыли. Слов по случаю не нашлось. Поговорили как-то обычно, но натужно и глупо. И вроде и слезу пустить не грех, да внутри повода нет – не верится. Помню, я все на ромашки смотрел, ими весь холмик усыпан был. Ушли тогда быстро и полчаса не побыли, Саня только пару сигарет под венок сунул, вроде как «Вадику на потом», так и уехали.

После обеда приходил следователь, как позже отметил отец: «Молодой еще, сам пришел!» – расспрашивал о том, каким Вадик был человеком? Где я находился два дня назад, и может ли кто-нибудь это подтвердить? Врать и не пришлось, я ведь и правда знал не больше, чем все остальные, и в это время, наверное, купался в озере. А на мой вопрос, как он считает, что там произошло? Ответил будто рассматривает версию о том, что гражданин Зимин не справился с управлением. Протаранил придорожное дерево потерял сознание, а в следствие столкновения произошел обрыв проводки, спровоцировавший короткое замыкание, повлекшее за собой возгорание. И от себя добавил: «Кто попадал в серьезные ДТП, знает, что такое сплошь и рядом, к тому же машина старая!»

Только успел обзвонить друзей, мол, если следователя еще не было, то ждите, как к дому подъехала машина Ро-

мы Поролона. Вместо него самого из-за руля вылез один из его помощников. Он некоторое время объяснял мне что-то невнятное и наконец сообщил: «Роман Павлович хочет поговорить и для этого прислал машину». Я тогда впервые услышал отчество Поролона. Конечно, поехал, но оттого, что все мое нутро отвергало этот барский напуск, с лакеями-господами и «карету мне карету!», находился в раздраженном расположении духа. Опаска тоже имела свое место, ведь эта скользкая сволочь могла затеять все, что угодно. Когда пошел надевать куртку, почти машинально прихватил отвертку, что лежала у газовой плиты на веранде. Тогда подумал: «Мало ли что, а тут какой-никакой контраргумент».

Я хорошо знал, где жил Рома, но теперь ехали не к нему, а когда машина остановилась у дома Марата, местного «очень уважаемого человека», меня взял озноб. Помню, когда был младше, взрослые мужики говорили о Марате в каком-то шутейном разговоре как о «свидетеле-рецидивисте». Мол фигурировал в таком количестве уголовных дел, сколько на весь поселок за девяностые не заводилось, а все проходил как свидетель. Наверное, очень невезучий человек? Вечно оказывается не в то время не в том месте!

Вышли из машины, и водитель открыл пешеходную дверь в высоких автомобильных воротах. Сказал, чтобы я держался тропинки, а сам остался снаружи и запер дверь, стоило мне войти. Двор, прямо скажем, впечатлял. Кроме гладко стриженного изумрудного газона повсюду росла мас-

са кустов деревьев и пучков какой-то декоративной травы. Там и здесь поднимались каменные стенки клумб, засаженных пионами, розами, ирисами. За садом в левом углу участка стоял дом, отделанный бежевым камнем. А по правую руку из-за ряда высоких елок виднелся край навеса. Я прошел чуть вперед по широкой мощеной диким камнем дорожке, когда из кустов вышел здоровенный черный мохнатый пес. Он уселся на край газона, вывалив язык и, пяля на меня свои добрые глаза, облизнулся.

– Начальник – неси мяч! – послышалось откуда-то справа.

Пес тут же встал, повернулся и сунул морду в куст. Повозился и вновь вылез уже со светло-зеленым теннисным мячом в зубах. Тоскливо посмотрел на меня и тяжело побежал по дорожке, пока не скрылся за невысокой стеной живой изгороди.

Я с опаской осмотрелся и последовал за ним, сжимая в кармане отвертку. Сразу за стеной, справа, располагалась просторная восьмиугольная беседка. В ней за широким столом, заняв высокое кресло, сидел Марат и повторял, пытаясь выдрать мяч из пасти пса:

– Начальник, отдай! – и, наконец отняв мяч, бросил его в кусты.

– Добрый вечер! – сказал я, приблизившись ко входу в беседку.

– Ваня? – спросил он, я кивнул. – Да ты понимаешь, Ваня, забились как-то с пацанами в Буру играть! Я тогда ставку

двинул, мол, если проиграю, собаку заведу, назову Начальником и мячик носить научу!

– Проиграли, похоже? – машинально сказал я, и сжал отвертку сильнее.

– Проиграл... – протяжно сказал Марат и посмотрел с прищуром.

– Во всяком случае оригинально, – отметил я и предпринял какую-то не очень мной контролируруемую ужимку.

– Проходи, присаживайся, – предложил Марат, указывая на место, напротив.

Я уселся на лавку, застеленную тонкими длинными подушками, и навалился на спинку, не вынимая рук из карманов. Пахло шашлыком, и откуда-то справа тянулись неровные облачка сизого дыма. Слышались треск углей и тихий металлический скрежет.

– Ты не напрягайся – отдыхай... – мягко сказал Марат. – Пока отдыхаешь я тебе историю расскажу. Это ты тему нашел с электрооборудованием?

Я было хотел ответить, но Марат меня опередил:

– Знаю – ты! И Роме ее предложил! Молодец! – Тут Марат указал взглядом на накрытый стол. – Есть хочешь?

– Нет, спасибо, только что из-за стола, – хрипло ответил я.

– Выпьешь?

Я отрицательно покачал головой.

– И правильно, тебе теперь сколько, шестнадцать? – Я кивнул. – Если не француз, то рановато. Я вот тоже не пью,

давай-ка мы с тобой лучше сока гранатового выпьем! – сказал он, взявшись разливать сок из графина и, подвинув стакан ко мне, добавил, – для крови полезно.

Я глубоко вздохнул, и он продолжил:

– Представь себе картину: идет, значит, предположим, из Новосибирска караван из трех фур в какой-нибудь Казахстан, а по дороге его перехватывает, скажем, другая организация. Караван катит дальше, но вместо пункта назначения прибывает куда-нибудь в сельскую местность, допустим, в лесной заброшенный хуторок. Груз ставят в отстойник до лучших времен или пока пыль не уляжется. Потом этот отстойник находит какой-нибудь грибник, допустим, по имени Леопольд! – тут он повысил голос, я еле сдержался чтобы не вскочить с места. – ...и начинает потихоньку таскать груз к себе и мало-помалу продавать или отдавать за бутылку! Потом, грибник этот натывается на молодых пацанов, готовых купить сразу машину. Пацаны перепродают товар другому барыге, и все вроде при деле? Но вдруг пацаны куда-то пропадают и появляются другие – уже городские, просто мимо проезжали, а тут грибник им товар и предложил. У этих размах пошире, начинают брать помногу. Опять дела пошли, всем хорошо, но тут появляются люди, которые этот товар до лучших времен отложили. Понятное дело, и покупатели, и грибник без вести пропадают и вроде хвостов больше не осталось. Но вот подъезжает к дому грибника паренек, один, на грузовике, и начинает спрашивать про Леопольда. Ему го-

ворят: «Нет его!». А тот видит – оборудование из сарая носят, и возьми да скажи, что-нибудь вроде: «Тоже электрику покупаете?» или «Я его здесь подожду!» Ребятки смотрят – местный, да еще и на машине, и чего им с этим делать?» – Я в тот момент кажется почти окаменел. – «Пацан-то молодой, вроде тебя... Но молодой – не молодой, дело делать надо, ну что, машину в кювет да сжечь к чертовой матери – правильно!?

– Это вы...? – протяжно выдал я, чувствуя себя словно черепаха, высунувшая голову из панциря.

– Не перебивай, Ваня, я не закончил! – сухо и страшно сказал Марат. – А потом ребятки эти соображают, что раз местный приехал за их товаром, значит, кто-то здесь им торгует, и начинают шустрить по району и искать с кого спросить. Находят местного барыгу, прессуют его, а потом приходят ко мне, потому как барыга этот говорит, что работает от меня.

Здесь из-за изгороди появился Рома и медленно прошел в беседку держа на руках поднос с шашлыком. На нем был надет передник с изображением улыбающегося лица, а на забинтованной голове маленький поварской чепчик. На его отеком лице кроме множества царапин и пары синяков под глазами белели полоски пластыря, фиксирующие квадратный тампон из бинта. Он поставил поднос на стол и молча исчез за изгородью.

– Когда люди делают то, чего не понимают – нужно дать

им дело по силам, – сказал Марат и взял шампур с подноса.

– А зачем вы мне это говорите? – с трудом минуя внутреннее сопротивление, выдавил я.

– Зачем...? – со вздохом начал Марат. – Пока не поднимай головы и своим тоже скажи. Если будет новая тема – приходи сразу ко мне. В этот раз повезло, а другой можешь и не выскочить, но, если за тебя или твоих с меня спрашивать придут, тут поварским колпаком не отделаешься, – уже смягчившись, сказал Марат и, прищурившись, спросил. – Как вы Рому зовете?

– Поролон, – не думая ни секунды, выдохнул я.

– Ему теперь к лицу. А ты думай, чего тебе надо, и кто ты есть? – указывая в сторону дорожки, сказал Марат и стал уплетать шашлык, навалившись на стол локтями.

Я встал и словно во сне побрел к воротам, еще вскользь зацепив взглядом грызущего мяч Начальника. Ромин подручный отвез меня обратно, и только теперь, стоя у своей калитки, я разжал ручку отвертки в кармане, и тошнота тут же подкатила к горлу.

Домой заходить не стал, вместо этого не торопясь побрел на берег речки, тогда подумал: «Нечего эту тяжесть домой тащить». Умылся и стал слушать воду и бормотать на нее, а издали словно мне в ответ, слышались неразборчивые голоса, прилетавшие из-за речного поворота. Так и просидел, пока солнце не завалилось за зазубренный макушками елок горизонт, и испуг не растворился в крови слабостью.

К тому же похолодало, а ночью и вовсе пошел дождь.

Глава 3

Лето растеклось по дорожным ямам осенними лужами и пришло время браться за новую учебу. Когда весь наш первый курс собрали в большом конференц-зале для приветственного слова, я не на шутку удивился напору местной директрисы. Она подходила к формулировкам, обозначающим перспективу нашей образованности, с размахом охочего до пылких речей партийного работника времен индустриализации. И порядком рабочих перспектив уж никак не меньше, чем рисовал Остап Бендер в своей знаменитой речи по проведению межпланетного шахматного турнира в деревне Васюки (в перспективе Нью-Васюки). Так что весь курс, окропленный ее звонким словом и всепроникающим воодушевлением, вышел из конференц-зала как из храма – с радугой в глазах и в неоправданно приподнятом настроении – вот что значит опытный оратор.

Силу речи никак не умалял тот факт, что флер доступен может быть только многоумному абитуриенту, поступившему в МГИМО на бюджет, ссыпался с нас тут же в коридоре, оставив только легкое эмоциональное похмелье. Но нужно сказать, что тот стереотип, брезгливо преодолев который я перешагнул порог училища, скоро претерпел некоторые перемены. Кроме того, что, как и во всяком подобном заведе-

нии группы разделялись на мужские и женские, по принципу обучения разным профессиям (мужскую часть учили на водителей категории «С», женскую на швей легкого платья), в новинку был и весь остальной уклад.

Казалось, дух советской традиции образования пропитал стены училища настолько, что никакое время, новая отделка и мебель ничего не могли противопоставить его излучению. Кстати, то же касалось и людей. И если в этом смысле рассматривать педагогический состав, это было особенно заметным. Взять хоть двух совсем молодых учительниц-первогодок. В первые месяцы работы они выглядели как веселые развратницы, но вскоре превратились почти в стереотип учительниц из старых фильмов. Появился некий стержень и более вдумчивый подход. Конечно, их сменившийся гардероб и исчезнувшее ощущение легкого нрава стали ощутимой потерей для моих эротических фантазий, но тем не менее.

Как известно, всякой особенности пространства для ее питания нужна идея. Здесь в качестве основного идеолога логично выступал завуч Карáтин Илья Ильич. Он, конечно, тащил непосильную ношу. На нем висели гири общественных этики, морали и вопросы их трактовки, но он нес их легко и бойко с нерушимым пламенем в глазах, как и подобает бывшему алкоголику, внезапно нашедшему иной смысл. Кроме перечисленных нагрузок Илья Ильич вел историю и играл на гармошке в организованной им же самодеятельности. К слову, репетиционную точку для этого отвели прямо

за стеной цеха по ремонту электродвигателей. И когда «самодеятели» начинали шлифовать свои навыки, завывая за стеной какое-нибудь очередное «Ой рябина кудрявая...», мужики, занятые почти дзен-буддийской техникой перемотки проволоки на роторе двигателя, не редко орали матом, негодуя по поводу нарушения их «послушания».

Остальной преподавательский состав, конечно, уступал завучу в энергичности. Но каждый в своем роде не терял определяющих черт, привычек и индивидуального подхода, но только в рамках учебной программы.

Что касается советского эха, в этом училище с нами возились как с последней надеждой. Если в школе действовал принцип: просто фиксировать текущее интеллектуальное состояние того или иного ученика и уже из это строить статистику, училище эту статистику тянуло на себе так, что учащийся скорее вообще забрал бы документы, но оставшись не мог не преуспеть. При том что программа, не считая общеобразовательной, была довольно простой, выходило так, что основным объектом борьбы местного педагогического состава являлась повальная лень и нерегулярная посещаемость занятий. Применялись такие методы воздействия как: звонок родителям (после нескольких угроз это сделать), отправка после занятий в гараж для уборки, в зимний период – чистка снега, и самый страшный и садистский способ – групповая просветительская беседа в кабинете ненормально-энергичного Ильи Ильича.

Кроме того, из коллектива училища особенно выделялся Козырьков Евгений Аполлонович – преподаватель ПДД. Этот всегда выглядели так, словно забрел сюда между прочим и ненадолго, и больше походил на, допустим, родителя какого-нибудь нерадивого учащегося, вызванного на беседу, чем на штатного сотрудника. Евгений Аполлонович давным-давно носил прозвище Цок. Выглядел всегда очень аккуратно: носил отглаженные рубашки и пиджаки. Черные волосы с проседью укладывал на манер моды, кажется, семидесятых годов и носил дорогую обувь. Ездил на «девятке» цвета мокрый асфальт и держался почеркнуто спокойно с отстраненностью познавшего тщетность бытия наблюдателя. Вывести его из себя не представлялось возможным. Свои занятия он проводил либо в контексте цитат из учебных пособий, либо в рамках теста – ничего лишнего. Его канцелярский почти протокольный язык удерживал всякого на таком расстоянии, где невозможно выделить кого-то из группы как познавшего его предмет лучше остальных. Эта его форма подачи материала, за годы практики закрепилась в нем такого рода профессиональной деформацией, что, когда он изредка пробовал шутить или говорить на некую отвлеченную тему, все равно получалось нечто протокольное. Например, когда он пробовал объяснить нам принцип расчета тормозного пути относительно массы автомобиля, состояния протектора, дорожного покрытия и водителя в том числе, но улавливал нашу невнимательность, то применял нечто такое: «Задача!

По проселочной дороге: в зимний период, в условиях гололеда, со средней скоростью движется легковой автомобиль. Покрышки шипованы, водитель адекватен. Ему навстречу на высокой скорости движется мотоцикл. Внимание вопрос! Как долго употреблял алкоголь водитель мотоцикла? Какова вероятность их столкновения? Какое расстояние преодолит водитель мотоцикла, когда его транспортное средство внезапно прекратит движение? В какое отделение стационара следует отвезти водителя мотоцикла? а) реанимационное б) психиатрическое. И имеет ли значение тот факт, что покрышки мотоцикла не оснащены шипами? Или то, что водитель автомобиля провел минувшую ночь с чужой женой?».

Да, он умел привлечь внимание, хотя некоторые, сбитые с толку и особенно нудные учащиеся даже предпринимали попытки ответить на эти вопросы.

Надо сказать, все эти его шуточные задачки, конечно, имели под собой крепкую почву, ведь всякий говорит только о том, что знает. Тем более что о Евгении Аполлоновиче ходили не просто сплетни, но целые обрывки жизнеописаний. Кстати, их содержание и вызывало в учащихся немалую долю уважения. Ведь там проскакивали проявления той же самой юношеской несдержанности, что и у нас, но уже примененные на практике. А общие пороки подчас учат их прощению получше воспевания единых добродетелей.

К слову об общем, основную часть группы, в которую меня распределили, умудрились сколотить по большей части

из отщепенцев всех мастей, уже заимевших славу неблагонадежных и своенравных, каждый в своем роде. Мне лично наша группа напоминала пиратскую шайку, которую собрала судьба под парусом учебного заведения, плывущего в точно таком же неопределенном направлении, как и вся остальная страна. Романтические штрихи в этот этюд добавляли такие яркие индивидуальности как Денис или Дэн, который имел довольно внушительный список правонарушений и стоял на учете в милиции. Витя Миров – под творческим псевдонимом Мир, этот чуть было не сел за драку несколько лет тому... Филя – Кудрявый, случайно живое свидетельство того, что профессия домушника себя не изжила. А Гриша Молотков тоже был не прочь подраться, но отличительной чертой, точнее чертами являлись сколь просто невообразимое практически детское обаяние, столь такая же всеобъемлющая тупость, удерживающая баланс на грани идиотизма. Прочие тоже в своем роде выделялись, но не так ярко, как эти. Еще один парадокс отмечал тот же Илья Ильич, что ни одного нарекания от учителей конкретно по поводу нашего поведения на уроках не поступало практически никогда. Хотя стоило нам высыпать за пределы аудитории, класса или цеха, их несли ему пачками. Ну чем не пираты: на корабле – внимание и дисциплина, на суше – разбой и пьянство.

Мало-помалу привыкнув к новым порядкам и атмосфере, я вдруг вспомнил о Наде. Да, я и забыл, что месяца три назад, познакомился с девушкой и даже поймал себя на

легкой влюбленности, но вся эта свистопляска с разводом родителей и прочим, не позволила ей раскрыться. А вот теперь, покопавшись в себе, я с удивлением обнаружил, что влюбленность эта никуда не делась – просто спряталась из виду. И стоило обратить на нее внимание, она снова стала светить и греть – чудеса, не иначе. Энергия этой влюбленности уже не была той самой, что вынуждает идти на решительные и заведомо глупые поступки. И вообще практически не попирает своей «сверкающей пятой» критического мышления, но просто хочет собой поделиться с определенным избранным существом.

Уже было собрался звонить Наде, как вдруг остановился, наткнувшись на целый хоровод вопросов, начинающихся со слов, *а вдруг*, принявшихся монотонно вращаться вокруг возбужденного ума не хуже детского хоровода вокруг елки. «А вдруг она злиться? А вдруг не хочет меня видеть? А вдруг она пошлет меня к чертовой матери, что тогда мне делать с этой проснувшейся влюбленностью? А вдруг у нее кто-нибудь есть? (почти наверняка есть!), или еще хуже, никого нет, но я ей теперь не нужен?!» С горем пополам задвинул эту рефлексию подальше и все же позвонил. Надя, на мое удивление, согласилась встретиться даже без выдвижения ожидаемых мной особых условий.

К рандеву готовился основательно: сходил постригся, сбрил пух с морды, помыл кроссовки и доконал соседку, любительницу клумб, выдать мне букет каких-нибудь, еще жи-

вых осенних цветов. Сунул цветы в пакет, не хватало чтобы меня одноклассники с ними увидели, а еще хуже – друзья (и те, и другие скорее простили бы неллицеприятные отзывы о них или дело, провернутое мной в одиночку, но от букета уж точно «не отмоешься!»). В общем, изготовился и приперся на оговоренное место встречи на двадцать минут раньше.

«На мосты по вечерам дураки, пьяные и влюбленные ходят – нормальным людям в такое время там делать нечего!» – говорил мой сосед – престарелый брюзга. Это был его комментарий на падение с моста человека, пару лет назад. Тогда обошлось без трагедий – обыкновенный комичный случай – какой-то пьяный мужик свалился с низкого моста, ободрал колени, перешел реку вброд на ту сторону, которая была ему нужна изначально, но растерял всякую ориентацию в пространстве и снова пошел через мост. Дурацкая фраза соседа вместе с рассказом втемяшились мне в голову под каким-то неправильным углом и теперь мост для меня ассоциировался с неким романтическим местом. Тут еще услышал песню Чиж, о том, что: «...все мосты разводятся, а Поцелуев извините – нет!» Конечно, наш мост не имел такого неординарного названия и вообще имел ли? Но так или иначе, я предложил Наде встретиться именно на дощатой террасе моста.

Надя пришла на место минута в минуту, долго рассматривала врученный ей букет, а когда спросила, сам ли я его составил, отметила художественный вкус. Мне стало

смешно и пришлось признать, что это вкус моей соседки, флористки-любительницы, а не мой. Между походом в кафе и прогулкой по парку Надя, не долго думая, выбрала парк. Мы перешли мост и прошатались по неухоженным, но не по-осеннему сухим тропинкам до темна. После долго сидели на берегу за неожиданно интересным для меня разговором. Я-то прежде всерьез думал, что женское общество – это нечто дополнительное, нечто делающее композицию полной, а тут на тебе: цельный, интересный, веселый человек – и вдруг девушка! Между прочим, мне показалось, что она куда разумней меня (правда ненадолго, и самолюбие взяло свое). Эта мысль пролетела по сознанию легкой пушинкой одуванчика и только оставила за собой вопрос: «Если она разумней меня, какого черта она не старается указать мне на это?!» (Хотя может быть именно поэтому и не старается...). В общем, это был вечер открытий и нашего настоящего знакомства. Уж не знаю, как она, но я остался глубоко впечатлен, к тому же финал нашей прогулки меня дождал окончательно. Прежде чем я поцеловал ее, уже стоя у ее дома, Надя сказала:

– Вообще-то я на первом свидании не целуюсь, но будем условно считать его вторым, поэтому нужно скорее целоваться, а то ты опять на несколько месяцев исчезнешь.

Когда плелся домой все думал: «Надо же, все помнит и так себя ведет! Другая бы истерику закатила и на каждый удобный и не очень случай намекала о заторможенной ско-

рости моих умственных процессов, что-нибудь из серии “хорошо погуляли, ну пока, до следующего года!”, а эта – нет! Может быть, она тоже нашла в себе нечто похожее на то, что теперь есть во мне?»

Мое острое нежелание рассказывать друзьям о том, что теперь я встречаюсь с Надей, очевидно указывало на ее ценность для меня, хотя явно я этого не ощущал. Теперь я стал часто бывать у нее, реже она у меня. Мы, не сговариваясь не распространялись о нас, так, словно оба боялись спугнуть удачу или что там обычно спугивают, прежде чем все испортить?

Прошел, наверное, месяц таких наших встреч. В один из вечеров шли ко мне и уже стояли у самой калитки дома, когда из переулка выскочила машина и резко остановилась напротив. Это была вишневая «жигули-шестерка», сплошь обвешанная наклейками с изображением драконов и бегущего огня, с парой десятков каких-то антенн и такой глухой тонировкой, что лиц за стеклом разглядеть не представлялось возможным.

Из машины выскочил парень с выпученными глазами, примерно моего возраста и, не закрывая двери и не глуша мотора, быстро пошел к нам. Я машинально открыл калитку, пропустил вперед Надю и тут же захлопнул ее, крикнув:

– Чё надо?! – отталкивая нахрапистого паренька обратно к машине.

– Э-э, ты притормози! – начал было парень и, бросив

взгляд мимо меня, громко прогнусавил, – Надя, давай поговорим! Или так и будешь бегать!?

– Со мной говори! – настойчиво сказал я повернулся и бросил ключ от дома на тротуар, – Надя, зайди в дом и закрой за собой дверь!

Она, немедля ни секунды, подняла ключ, и стоило замку щелкнуть с обратной стороны дверей, парень закивал и натянул косую улыбку.

– Ну, давай говорить! – с больной насмешкой сказал он, будто показывая, что участвует в игре, в которой не может проиграть.

Он пригласил меня сесть в машину и повел разговор с каким-то не то наркоманским, не то приклатненным налетом. Суть его изложения состояла в том, что Надя – это его девушка. Будто они встречались несколько месяцев и недавно поссорились по какому-то пустяшному поводу, а он как на грех в это время уехал по каким-то делам, не успев помириться, и вот теперь вернулся и не понимает, что происходит? Я со своей стороны дал понять, что соблезную его утрате, но в связи с его нерасторопностью ничего по этому поводу делать не собираюсь и не отступлюсь. В общем орали друг на друга битых полчаса, скатились к взаимным угрозам и рыхлой неразборчивой матерщине. Вдруг боковым зрением я уловил контур человека на заднем сидении (немудрено, что только теперь, ведь свет попадал в машину исключительно через лобовое стекло). Попытка обернуться отозва-

лась громким треском и болью в шее, и перед глазами все потемнело.

Прежде чем открыть глаза, слух уловил звуки глухих ударов моего собственного сердца, вперемешку с таким же ритмичным стуком откуда-то извне. Я с трудом открыл глаза и, чувствуя легкую слабость, осмотрелся. Я сидел в том же кресле, а надо мной склонилась девушка, держащая меня за запястье. Взглянув мне в лицо, она отпустила руку и, отступив от машины, крикнула:

– Рома, он живой!

Здесь я встряхнулся и, протерев глаза, выскочил из машины. Девушка отступила, кажется, оторопев, а я, чуть шатаясь, окинул взглядом окрестность.

Соображал я теперь плоховато, но двор, в котором стоял сейчас, показался мне знакомым. А когда обратил внимание на возню, которая шла возле открытого настежь гаража, то с насмешкой выдохнул:

– Поролон...

Действительно это был двор, дом, гараж, а в том же числе и жена Ромы. Сам Поролон теперь бил, пытавшегося подняться недавнего моего собеседника, короткой гибкой палкой по спине. Он с остервенением стиснул зубы, при этом приговаривая: «Мне своих проблем не хватает, вас дебилов еще учить!» После схватил второго стоящего тут же и взялся охаживать и его, пока тот сопя и кряхтя не рухнул на землю. Наконец-то бросив палку, Рома вытер лоб рукавом и, при-

близившись ко мне сказал, прежде пожав руку:

– Поговорим?

– Поговорим, – кивнул я.

Мы с Ромой прошли в летнюю кухню – небольшой домик с диваном, креслом, широким столом и печкой. Он достал из кухонного шкафчика бутылку коньяка, два стакана и нарезку лимона. Налил, и выпив не дожидаясь меня, стал говорить, опережая мои вопросы.

Оказалось, тот паренек, с кем я говорил, это Ромин двоюродный братец Коля, из города (из какого не уточнялось). Несколько месяцев назад он начудил что-то у себя, и папаша решил его спрятать подальше от посторонних глаз, пока пыль не уляжется, а за одно и его приятеля (подельника). Жили первый месяц – тишь да благодать, без необходимости за забор не выходили, но в один вечер не удержались и поехали прокатиться. Сняли местных девок – погуляли, а вот одна отказалась гулять, тут Коле шлея под хвост и попала, стал за ней увиваться... Ему говорили – школьница, а он вроде как сам не свой, влюбился похоже. Потом папаша его позвонил, говорит – пусть едут обратно, вроде как решил он дело, Коля уехал, а вот теперь вернулся.

– Они, видно, поняли, что дальше зайти не смогут, вот и решили тебя ко мне привезти – напугать, чтобы ты отступил. Я-то им наплел, что здесь в большом авторитете, иначе этих отморожков не удержать, а так родня все же! – Явно скрепя сердце, сказал Рома. У меня к нему даже намек на уважение

мелькнул. – Ты, Ваня, пойми правильно – влюбился человек! Хотя натура у него такая, что, может, просто прихоть, а как получится... как там ее? Надю! Так и интерес потеряет? В общем, зла не держи! Я их тут по-своему поучу! – наливая еще, сказал Рома. – Как там с Маратом, не работали еще?

– Пока нет, жду чего-нибудь подходящего, – с напускным значением ответил я, только теперь поняв, отчего он так заискивает со мной.

Он понимающе кивнул, выпил еще и пошел на улицу, сказав, что сейчас позвонит и меня отвезут домой. Я вышел следом, закурил сигарету, и пока Рома пошел в дом, приблизился к тем двоим, теперь сидящим у гаража на краю тротуара с печальными лицами.

– Ты чем меня вырубил? – спросил я, глядя на Колиного подельника.

Он бросил обнимать себя за отбитые бока, сунул руку за пазуху и протянул вперед перемотанный красной изолентой электрошокер. Прежде я таких не видел и из баловства нажал кнопку. Аппарат зарычал, играя электрическими дугами между контактов, ребята от этого звука вздрогнули так, словно их уже к ним прислонили. В общем, спецсредство я положил себе в карман, прежде уловив в глазах паренька печаль ребенка, лишившегося игрушки. Смотрел на них теперь и даже намека на злость в себе не находил. Да и сильнее чем Рома, я точно не смог бы их наказать, хотя скорее всего и не стал бы.

Когда я вернулся Надя сидела за кухонным столом и читала отцовскую книжку, сразу вскочив, как только меня увидела.

– Что?! – округлив глаза, вскрикнула она.

– Нормально. Но о таких ухажерах нужно предупреждать, это же не то, что наши – подрались-разошлись, эти могут и электричеством начать пытаться... – с насмешкой ответил я.

– Ты серьезно? – испугано замерев, выдохнула Надя.

– Нет, но предупредить стоило. Иначе выходит, что ты меня используешь, – усаживаясь за стол напротив нее, сказал я. – Или даже не так – просто водишь вслепую!

– Но ты же меня не спрашивал. Будешь спрашивать расскажу, не будешь не узнаешь ничего... нужно интересоваться моей жизнью. Кстати, ты ведь тоже не все мне рассказываешь, так? И может быть – это не хождение вслепую, а твой и мой выбор, а там за ним и целая судьба? – игриво покачиваясь на моих коленях, произнесла Надя.

Честно говоря, меня ошарашил ее ответ не меньше, чем недавний удар электричеством, а Надя, будто и не замечая застывшего вопроса в моих глазах, вдруг спросила:

– А где твой отец?

– На работе – государственную тайну охраняет и учетные карточки призывников!

– А в чем тайна?

– Тайна в том, что никаких карточек там нет! Только подрамники от советских транспарантов, которые не смог

украсть завхоз и пыльный призрак военкома. Он ходит по пустым кабинетам и скрипит казенными ботинками! – Немного невпопад рассмеялся я, и вдруг задумался. Чем сегодняшний день мог обернуться, если бы эти кретины, приехали не к Поролону, а к кому-нибудь еще? Хотя разве такое может быть, чтобы все по-другому? Вот и Надя говорит – судьба.

Своим друзьям я тогда ничего не сказал. Промолчал и о моей встрече с Маратом. А вообще у этих тоже жизнь не стояла на месте, время от времени выписывая неумелые кульбиты начинающего танцора и все больше высвечивала характер каждого.

За весь прошедший год, который всякий учащийся измеряет от первого сентября до середины июня, или от каникул до каникул, мои друзья изменились особенно заметно. Саня, например, неожиданно занялся игрой на гитаре. Хотя помнится, когда-то он рассказывал, что попытка матери отдать его в музыкальную школу выдержала только несколько занятий. От них, «полуконтуженная» преподавательница уроков пианино впала в хандру. Она же назвала манеру Сани жать на клавиши насилием над инструментом, с тех пор выяснилось, что до партитуры у Сани дело не дойдет и не отбрасывать ему фалды фрака, и не вертеться на круглом табурете! А вообще, в его брэнчании на гитаре что-то было, хотя кажется он слишком торопился навесить на себя ярмо профессионала. Так вначале освоив мелодию «В траве си-

дел кузнечик...», он тут же взялся за гитарную партию песни «Nothing Else Matters» группы «Metallica», разучивая которую, по его словам, чуть не спятил. Такие любимые дворовыми гитаристами вещи как: «Прогулки по воде» группы «Nautilus Pompilius» или «Все идет по плану» группы «Гражданская оборона», выходили довольно похоже. А уж все, что касалось творчества группы «Кино» вообще впечатляло, хотя нужно сказать с вокалом у Сани имелась загвоздка, проще говоря – паршиво пел. Но для каких-нибудь очередных наших посиделок его навыка хватало вполне. И когда он начинал завывать «Группа крови на рукаве!» или «Песен еще не написанных, сколько?..», толпа подхватывала песню и хором обогащала его вокальную нищету. Он между делом даже завел подругу, готовую терпеть его творческие терзания и вместе с ним бороться с общественным неприятием его музыкальных исполнений на трезвую голову.

У Лехи вообще жизнь сделала радикальный поворот. Дело в том, что с тех самых пор как его мать вновь вышла замуж, он пребывал в несколько подавленном состоянии. Наверное, привык быть в доме единственным мужчиной. Его новоиспеченный отчим, как только прижился, так взялся входить в хозяйский вкус. Стал указывать ему, что делать, и вообще уж слишком настырно лез в отцы. В этом возрасте и родных воспринимать трудно, а тут отчим, да еще бывший военный и, как водится, с комплексом Наполеона. От этих «равняйся-смирно!» Леха, понятное дело, ликовала.

ния не испытывал и вечно ругался, то с отчимом, то с матерью. Стал выпивать чаще обычного и по возможности не ночевал дома. Когда я пробовал с ним разговаривать на эту тему он отвечал, что лучше станет спать, где придется, чем пойдет домой опять смотреть на эти «нравоучительные рожи». Надо сказать, в этих конфликтах мать всегда занимала сторону отчима, который в свою очередь не признавал понятия личного пространства. В конце концов пришли к тому, что отчим как-то особенно крепко приложил Леху, а тот схватился за нож. Тогда обошлось, но на «семейном» совете, обменявшись ультиматумами, решили, что Леха едет учиться в Томск, а отчим в свою очередь обеспечит его жильем и все расходы возьмет на себя. Почему именно в Томск? Этот самый отчим был оттуда родом, и убедил Лехину мать в том, что и образование там лучше и присмотреть за ним в случае чего будет кому (полно родственников). К тому же городская атмосфера в контексте обще-социальной подготовки, для молодого человека куда полезней поселковой, а окончив последний школьный учебный год, он сможет там же поступить в университет. В общем, в июле Леха уехал.

Общая и безжалостная перемена не обошла своим вниманием и Диму. Теперь он все сильнее отстранялся от прежнего своего образа и превращался в нечто неестественно умиротворенное и молчаливое. Он все чаще пропускал наши походы на дискотеку и вообще стал замкнутым и перестал чудить как прежде. Чуть позже один знакомый меж-

ду делом сказал будто видел Диму в компании неформалов местного разлива, но лично я их особенно не уважал. Вообще, они создавали слабосильное впечатление и не имели воли нести свою идею в массы с непоколебимой уверенностью, как подобает всяким отщепенцам. Из неформального у них была только анаша и рваные тряпки. Так что, когда проносили слово «неформалы», у меня перед глазами тут же всплывала шайка нервных накуренных слабаков с претензией на альтернативу. Лично я, конечно, оценил, как быстро они перековали Диму под себя, но немного позже понял, что никто его не перековывал. Он просто становился тем, кем был всегда, и вопрос состоял только в глубине погружения, или как далеко он может в этом зайти? Откровенный разговор с ним получился натужный и странный, и из него я понял только то, что ему не хочется тянуться к какой-то незримой мечте или звезде, как остальным. Ему куда комфортней растворять свои страхи и опасения в комплексах и неврозе остальных ему подобных.

Настала пора посмотреть правде в лицо и признать, что нашей компании пришел конец, и я сделал это спокойно и без оглядки. Меня не мучили ни совесть, ни ностальгия, ни прочие сожаления. Но у меня была Надя, и мне это далось легко. Кажется, к концу лета девяносто восьмого каждый из нас получил, что искал, хотя никаких желаний по поводу случившегося не высказывал. Но это уж, как водится — не искал бы пути, не нашел бы дороги.

Глава 4

Новый учебный год ознаменовался введением нескольких дополнительных дисциплин, в числе которых к теории устройства автомобиля добавилась практика, а это, надо сказать, сомнительное удовольствие. Практика изучения устройства автомобиля заключалась в том, что в слабо отапливаемом гараже ватага продрогших учащихся, нависших над открытым капотом старого грузовика, пытается ответить на вопросы такого же замерзшего мастера по поводу назначения той или иной детали. С этим делом справлялись только более или менее опытные. Те, у кого имелся навык ремонта автомобилей (обыкновенно натасканные отцами, дядями и прочими родственниками – владельцами часто выходящих из строя авто). Все прочие смотрели под капот с ошалелой пустотой рыбьих глаз, глядящих сквозь стекло аквариума. И никакие хорошие оценки по теории устройства автомобиля за прошлый курс, не могли помочь добавить в них хоть немного осмысленности. Я был в числе большинства, и со всей прочей обмороженной группой тихо ненавидел этих чертовых опытных выскочек. Они будто в насмешку над нами отвечали на заданные вопросы с энтузиазмом и наигранной легкостью, дополняя их собственными измышлениями.

Вообще я на тот момент времени уже ответил себе на вопрос, стоит ли развиваться в смысле более глубокого прак-

тического познания технических особенностей автомобиля. И вместе с твердым – нет, тут же узнал, что для нас ввели еще и устройство трактора. Даже при условии, что я поступил сюда, лишившись альтернативы и в попытке уязвить самолюбие матери, трактор – это было уже слишком. Черт подери – нужно было внимательней читать перечень профессий, предлагаемый учреждением, а теперь? А теперь моя буйная и склонная к самоиронии и излишней драматизации фантазия рисовала меня самого, как могучего мужика, стоящего на подножке в распахнутой двери трактора. Розовощекого, широкоплечего, со снисходительной улыбкой настоящего труженика, запечатленного на плакате в стиле соцреализма с надписью широкими белыми буквами: «Вперед – к новым трудовым свершениям!» Господи, это же не смешно!

Веселей пошло только, когда начались уроки вождения, и на мое раздутое самомнение и брезгливость наступил тяжелый сапог похвалы мастера: «Молодец, Дорогов! Раньше не ездил?». После этих слов в моей фантазии я уже сошел с картины и широко шагал по каменистой улице. Дети махали мне рукой, а женщины в ситцевых платьях (обычно что-то стирающие в тазах) выпрямлялись, прикладывали запястья к лбам и долго смотрели мне в след. На их лицах читалась ревность к той единственной, которую я замечу на танцах в клубе и конечно незамедлительно возьму в жены. Эти чертовы стереотипы отрывались в моих мозгах как могли. Один раз даже приснилась первомайская демонстрация. Она со-

стояла из людей в фуфайках и пиджаках, красных платках и фартуках, с диким количеством кумача на руках, исписанного странными лозунгами: «Ваня – лучший тракторист!» и «Если мало красоты – больше красной ткани!»

При том, что определение понятия «беда» вещь очень субъективная, то утверждение, будто она не приходит одна – есть не только расхожее фольклорное мнение, но и самый настоящий факт. Хотя фольклор ничего не говорит о том, что беда эта, а равно и ее компания, имеют свойства обостряться и нести все более сильные разрушения тому, кто принял их в качестве гостей.

Кроме того, что я и так просто разводил руки в изумлении от собственных фантазий, так теперь еще и заимел завистника моей успеваемости, что до той поры было немислимо. Конечно, завистник этот был из числа не особенно выразительных одноклассников, но вносил свою ложку невроза в процесс обучения. Его звали Вова Кусков. Допустим, как только в свою очередь я проезжал на тракторе определенную мастером дистанцию, то Вова немедленно лез следом за мной и старался проехать ее с большей скоростью. Обычно это не получалось. Вова в старании, как правило, ронял конусы, условно изображающие дорожные препятствия, и от этого его психическое состояние, как мне кажется, только ухудшалось. У меня уже люди стали спрашивать, чего же мы с ним не поделили? А я только пожимал плечами и объяснял, что с этим вопросом лучше обратиться к Вова, потому

как мне это тоже неизвестно.

Скоро этот Вовин бзик переключался с уроков вождения в весь остальной учебный процесс и, конечно, приобрел еще более болезненные формы. Я и так активно отрешивался от образа «Ваньки-тракториста», а тут еще и конкурента себе заимел, на сим безрадостном для меня поприще – бред, не иначе.

Тем временем Вова все нагнетал атмосферу и скоро превратил это в фарс. Теперь редкое занятие обходилось без того, чтобы я не отмечал для себя Вовино присутствие. Допустим, когда учитель или преподаватель проводил опрос и обращался ко мне, то после моего ответа, Вова сразу тянул руку и лез с дополнениями. И черт его дери, как правило, преуспевал куда лучше меня! Скоро это переросло в некую традицию, и учителя, кажется, привыкли к такому положению вещей. И по моим наблюдениям, если обращали свое внимание на Вову, то автоматически и на меня тоже и наоборот. А наша химичка Лилия Абрамовна пошла дальше остальных и как-то сказала: «Если бы не Дорогов, то Кусков учился бы куда хуже!»

Да, чем больше я отказывался участвовать в этом идиотском соревновании, тем сильнее в него вовлекался. Мои попытки разузнать, чего ему от меня надо, не вели никуда, чертов Вова только ухмылялся и переводил тему разговора. Тогда припоминаю на каком-то очередном перекуре, Витя Мирон подсказал мне один простой выход, проверенный

личным опытом.

– Слушай, Вань, ты видел, как наш завхоз выглядит? Трезвый так, как будто ищет что украсть, а пьяный, как будто не только уже украл, но и продал, – спросил Витя.

– И что? Все завхозы так выглядят!

– Надо напоить Кускова и узнать, чего ему от тебя надо?

Вот оно! Витя Мир плохого не посоветует! Обрадовался я и припомнил, что скоро в училище намечается праздник.

Хотя, конечно, я бы перестал быть собой, если бы прежде чем сформировать стратегию, не разузнал, кто он такой, этот самый Вова Кусков. Вообще, вся моя жизнь показывала, что как хитрец я так себе, но тут уж пришлось ухищряться, не пытаться же его в конце концов. Хотя, чего там – я и пыточник равный хитрецу, а если не можешь хитрить и пытаться, то выход один – соцопрос.

В качестве опрашиваемых известные мне близкие друзья Вовы, понятное дело, не годились, иначе они бы тут же растрепали ему о моих расспросах. Решение действовать тоньше завело меня на неизвестную территорию. Для начала я узнал, откуда он родом, ведь будь он местным, я бы наверняка о нем слышал раньше. После выбрал из его односельчан наиболее не заинтересованное лицо и приступил к следующему этапу. На мою беду, лицом этим оказалась девушка, но не просто девушка, а здоровенная и крепкая Алла, имеющая репутацию спокойной и застенчивой. Ее было

видно издали в толпе сокурсниц, прервавших изучение пошива легкого платья для обеда в столовой, в которой питалось все училище.

Оказалось, Алла жила не в общежитии, как большинство ее приезжих одноклассниц, а у родственников, неподалеку от моего дома. Ранним вечером после занятий я дождался, когда подруги оставят ее одну, подошел и для начала поприветствовал и представился:

– Привет, я Ваня!

– Привет! Все знают, что ты Ваня! – с удивившей меня усмешкой сообщила Алла.

– Хорошо... – борясь с уже выстроенным представлением о ней ответил я. – У меня к тебе разговор...

– Клеишь меня?! – подозрительно и слегка радостно перебила Алла.

– Нет! – почему-то тоже громко ответил я и бесконтрольно растянул дурацкую улыбку.

– А чего надо? – все больше разваливая миф о собственной застенчивости, уточнила Алла.

Я как мог изложил то, что меня интересует, Алла взяла несколько секунд на размышление и выдала: «Я трезвая про людей не говорю». Я тогда слегка опешил, но в продолжении разговора выяснил, что она слишком хорошо себя знает и не может полноценно рассказывать о человеке на трезвую голову, пусть даже и очень хочет это делать. Прежде я о таком не слышал и, честно говоря, подумал, что это просто уловка, но

это само собой не имело никакого значения, и мне осталось только узнать, какой напиток она предпочитает. А здесь все оказалось еще проще: «Не будет вина – неси пиво!» – сказала она, и я принес вино (девушка все же). Она вынесла стаканы и домотканую подстилку похожую на половик, только толстую, и постелила ее на широкую лавку под облетевшими кустами сирени. Мы уселись, Алла выпила и стала говорить.

Первым делом она сообщила, что Вова сирота и воспитывался бабушкой. Его родители умерли по пьяному делу от отравления угарным газом. По одной из версий причиной тому стала непогашенная сигарета. Вова тогда был у бабушки, да так там и остался. Она его особенно не жаловала, может, от того, что ей он был неродной (вроде если ее сына нет в живых, то и его пасынок ей теперь никто). А может, просто от ее тяжелого характера. Деревенские знали это, и кто посердобольней жалели Вову: то в гости на праздник позвут, то одежду какую-нибудь подарят, бабушка одевала его совсем плохо. Когда стал ходить в школу, тут ему туго пришлось – дети, как известно, нищеты не прощают. Но Вова имел характер и очень рано пошел работать, точнее, подрабатывать. Учился, работал и не собирался прогибаться под изменчивый мир, тем более что дальше прогибаться некуда, и кому на это хватало ума, его уважали.

Я слушал Аллу, и мне все казалось будто говорит она не о нашем времени, а о начале века, когда у крестьян отбирали скот и зерно, объясняя это военными нуждами и народ

практиковал отpravку своих детей «в люди» для обучения ремеслам и раннему трудовому пути (как в произведении М. Горького или А. Платонова). Не верилось, что теперь может быть нечто подобное. Моя фантазия тогда рисовала образы косых черных избушек на фоне длинных пустых полей. Людей в рубахах и лаптях, пеструю свору собак и строй согнувшихся нищих. Сомнительное, я вам скажу удовольствие, – лицезреть пустоту, простор и холод.

В общем и целом, облик Вовы Кускова стал мне ясен. К тому же Алла добавила: «Для Вовы в наше училище поступить, как для меня в университет – мозгов, может, и хватит, но я себя там даже представить не могу, да и денег нет, а он, видишь, смог! Он ведь всегда мало знал. За пределы деревни не выезжал. А тут – в райцентре жить!». В конце рассказа она отвернулась и утерла глаза.

Смотрел я на Аллу и любовался, эта ее сила и простота светились теперь теплым незримым светом. В таких людях очень много чего-то природного, цельного, живого, и мне думается, в тщетных попытках понять именно эту силу подобных людей записывают в простачки, а их откровенность в глупость. Нет, Алла не станет гоняться за призраками моды, она живет другими ценностями, а если когда-нибудь и попробует, то посмеется сама над собой. Она никогда не будет спорить о трактовках творчества Шекспира, ей плевать на труды Белинского и образ Обломова в русской литературе как архетип. И вот она выпила еще и захохотала

над каким-то ее собственным высказыванием, а у меня вновь разыгралась фантазия. Вот же она вся, как на ладони: вот ее будущий муж – крепкий высокий мужик. Такой же простой, с хмурым напуском, но добрый по сути. Вот ее дети – трое шустрых карапузов, которые как у всех вырастут незаметно. Вот она сама – пишет письма сыну в армию. Поет раскати-стую песню за праздничным столом. Читает сказки внукам, приехавшим на выходные. Вяжет им варежки и носки и все удивляется, как быстро они из них вырастают.

Вышел я тогда от нее ошалелый, и все вокруг виделось мне словно нарисованным. Так, будто ткни пальцем этот пейзаж, то и проткнешь насквозь, как Буратино поддельный очаг. Теперь приходилось признать, что жизни-то я и не знаю. Оказывается, есть люди, которые живут другими ценностями, и те сюжеты, что изложены в книгах классиков, не канули в Лету и есть и теперь – есть всегда. Спротивляясь своему стыду, я теперь смотрел на мои текущие планы, и бог свидетель, лучше бы меня стыдил кто-то со стороны, потому что как судья над самим собой я оказался безжалостно правдив.

В другой раз такая неприятная вещь, как правда, очевидно подпортила бы мой удобный взгляд на мир, но в этот она выполнила функцию некой губки или абсорбента. И стоило ее эффекту, дающему непривычную реалистичность восприятия мира, схлынуть, как на месте прежних вопросов остались только легкость и некая лояльность. Кстати, теперь

это касалось не только Вовы, но и всех подобных ему вообще, и мою выгоду от этого переоценить было невозможно.

Оказывается, незаметно для себя самого, я относился и к Вове, и приезжим в общем с высокомерием и неким снисхождением, а теперь, когда этого не стало, попытка взглянуть на меня в прежнем качестве натыкалась на провал. Как же я веселился тогда! Тот первый случай, когда я заметил эту перемену, стал особенно смешным. Это было на уроке химии, и Лилия Абрамовна задала вопрос Вове и, получив ответ, по привычке перекинула свое внимание на меня. Я собственными глазами увидел взгляд в никуда. Она смотрела на меня так, словно пыталась отыскать того, к кому обращалась раньше, но не находила. С подобным сомнением, наверное, рассматривают пустой дверной проем, в котором боковое зрение уловило движение: линию, пятно, вспышку? Но это был никакой ни бобок, а всего лишь я. Оценивая свои ощущения, я уже более или менее почувствовал собственную перемену, хоть и не мог целиком ее объяснить, но память об этом ее взгляде «насквозь», до сих пор не дает забыть о возможности лицезрения себя самого со стороны.

Конечно, нужно сказать и о том, что некоторое время мне пришлось привыкать к этому непонимающему взгляду всех моих знакомых. По сути говоря, в этот период отношения с людьми существенно обострились, кроме того, мою компанию могли терпеть только те, кто уже более или менее разобрался, кто он сам. А те, кто допускал неопреде-

ленность, совершенно перестали выносить меня. Моя оценка тех же самых одноклассников претерпела такую же трансформацию, что и отношение общества ко мне. Теперь я безошибочно отличал в нашей лихой ватаге людей со стержнем от других, только подделывающих обладание им. Оказывается, у многих это выходило очень правдоподобно. Хорошо сказал по этому поводу Дэн, хотя он просто наблюдал, и с ним я никакими мыслями по этому поводу не делился: «Ваня, на тебе людей можно проверять – бычье и слабаки тебя терпеть не могут!»

Эту мою перемену, само собой, не могла не отметить Надя, она же и подсказала мне ответ на текущее положение моей личности. И сделала это так, как могут только женщины: точно, случайно и в вопросительно-утвердительной форме: «Ваня, ты как-то повзрослел!?» Все тут же встало на место и уже не нашло и намека на внутреннее сопротивление, сменив вопросительный знак, застрявший в уме, на точку, с открытым пустым пространством за ней.

Вскоре эти дурацкие соревнования остались позади. К декабрю я по привычке к своему новому состоянию и стал считать его нормой. Тогда же крепко задумался, как я могу помнить прежнее состояние и одновременно оценивать текущее, при условии моей перемены? Кто такой тот, который может их помнить и сравнивать? Так словно внутри есть нечто постоянное, которое не подлежит перемене и только и делает, что наблюдает? Но уже наступающий новый двух-

тысячный год подмял все мои экзистенциальные мысли под свой праздничный каток и размазал по дорожной наледи... и слава богу – им там самое место.

А зима в этом году выдалась по-настоящему снежная и со множеством солнечных дней. Впереди лежали долгожданные каникулы и новогодние праздники, и даже нужда в деньгах не могла омрачить их предвкушение.

За пару недель до праздника поселковая администрация в лице четырех матерщинников в оранжевых жилетах и одного подъемного крана на базе автомобиля МАЗ установила елку на центральной площади. Те же сквернословы нарядили ее игрушками и гирляндами. Часть небольшого стадиона заняли катком, доставку воды для которого обеспечил местный пожарный расчет. А руководитель лыжной секции с помощью старого оранжевого снегохода «Буран» и прицепленного к нему устройства, похожего на облезлые груженые санки, проложил через парк новую лыжню. В местном доме культуры за день до и неделю после праздника афишировалась серия вечеров. В программу входили выступления ансамбля «Ручеек» и детского хора. Кроме того, нескольких одиночных исполнителей. Очень экспрессивной пианистки в толстых как лупы очках. Игрока на домбре в национальном тюркском одеянии. Гармонисте все того же ансамбля «Ручеек», но уже сольно и гитариста Александра Назарова (мой друг Саня полез на большую сцену). К тому же безжалостный и беспощадный к себе креатив представителей местной

культуры, в попытке актуализировать мероприятие планировал заканчивать каждый вечер «дискотекой от Морозко!», на что прямо указывала надпись внизу той же афиши.

Что касается моих приготовлений к празднику, то они ограничились только покупкой подарка для Нади и наблюдением за мандариновым дефицитом. В магазинах теперь стояли такие очереди, как будто празднование грядущего Нового года стало сюрпризом для граждан, и ничего подобного прежде не происходило. Отец в этих праздничных гонках и раньше не участвовал, а теперь и вовсе сказал, что обойдется обыкновенным ужином и просмотром традиционно новогодних фильмов. Наде тоже не пришлось толкаться в очередях. Ее мать работала менеджером по закупкам у довольно крупного предпринимателя, часто ездила в город и в одну из командировок заранее позаботилась о покупке всего необходимого для праздника. Кстати, за все время общения с Надей я так и не удосужился познакомиться с ее матерью. Часто ее видел, и она меня, но все как-то на бегу.

Вечером тридцатого декабря, устав от калейдоскопа новогодних программ и фильмов, пользуясь случаем, было взялся тискать Надю, но похоже не вовремя? Она хохотала и отпихивала меня, демонстративно переключая телевизионные каналы, и все твердила о том, что сейчас придет ее мама. Я, само собой, не поддавался на эти уловки и продолжал свой нахрап и, наконец, дорвавшись, совершенно неожиданно схлопотал по морде. Вместе с тем Надя по инерции нажа-

ла кнопку на пульте, и опричник зычным голосом проорал с экрана: «Живьем брать демонов!» – и раздался треск замка входной двери.

– Вот видишь, я же говорю – мама должна прийти! – громким шепотом сказала Надя, округлив глаза, я же только уставился на экран телевизора, потирая щеку.

Из прихожей послышались грохот, скрип и тихий шепоток, чуть приправленный матом. После двух последовательных звуков расстегнутой молнии, в комнату решительно ввалилась мама Нади, и Надя, стиснув губы отвела лицо, стараясь сдержать улыбку. Теперь в центре комнаты стояла очень красивая стройная женщина в синем вечернем платье, наполовину снятом пальто и круглой съехавшей на бок шапке из черно-бурой лисы. Она некоторое время смотрела на нас и, предприняв короткий кивок, сказала: – «...Асьте!» – и развернувшись так же бойко, исчезла в проеме двери, при этом громко топоча.

Пока мы старались заглушить свой смех, из коридора доносились скрип, грохот, тихая пьяная болтовня и шум воды из крана.

Минут примерно через десять в комнату вновь вошла мама Нади, но в уже совершенно другом виде. Теперь в ее облике не осталось и намека на опьянение, и я тогда слегка опешил и все думал, как это возможно? Тем временем она уселась в кресло под окном и направила на нас внимательный оценивающий взгляд, а после паузы сказала:

– Вы, значит, Иван?

– Да. – ответил я. – Добрый вечер!

– А я... Марина! – растягивая слова, кивнула она.

– Очень приятно! – сказал я, и отчего-то захотел сесть ровнее, – ...а по отчеству?

– Не надо отчества, просто Мария! То есть – Марина.

– Мама! – недовольно влезла Надя. – «Просто Мария» – это сериал! Ваня, не обращай внимания, у них на работе «Ёлка» была... только моего отчества не спрашивай. – добавила уже шепотом, склонившись к моему уху.

– Каждый имеет право на отдых! – собравшись с мыслями выдохнул я.

– А у нее нет отчества! – все же расслышав выдала Марина, с возвратившейся к ней поддатой интонацией. – Нет отца – нет и отчества! ... У нее только матчество, она Надежда Мариновна!

– Мама, хватит, ты же пьяная – иди спать! – недовольно сказала Надя.

– А что хватит! Да выпили... по поводу. Может, я хочу поговорить с молодым человеком? Спать! – становясь все пьянее, возражала Марина.

– Мама! – нетерпеливо прикрикнула Надя.

– Надя, все хорошо, это Новый год, – по-третейски отстраненно сказал я.

– Правильно – Новый год! – подтвердила Мария. – А вы, вообще, что здесь делаете? – и не дожидаясь ничьего ответа

установилась в экран телевизора. Князь Милославский предлагал Феде прекратить падать на колени, который в свою очередь не уставал восклицать сакраментальное «не вели казнить!». – Ой! – склонившись вперед шепнула Марина. – Смотрят «Иван Васильевич меняет профессию», какие милашки – не шалют, не пьют – фильм смотрят! – и неожиданно, как случается у пьяных, стала собранной и сделав строгий вид, спросила со всей серьезностью, и тут же после вопроса ее потеряла. – Ребятки, а вы предохраняетесь?

– Мама, фу-у-у! – вскрикнула Надя, одновременно лупя меня по ноге за мой бесконтрольный смех.

– Фу или нет, а предохраняться надо! – кивая, сказала Марина. – А если фу – тем более надо! – тут же раскачавшись в кресле, она поднялась на ноги и быстро вышла из комнаты со словами, – Всё, я спать!

– Ушла красиво... – обиженно шепнула Надя и, вздохнув, улыбнулась.

Весь остаток вечера Надя время от времени повторяла, точнее требовала, чтобы я собрался с силами и не считал это полноценным знакомством. Хотя я сам по этому поводу не делал никаких выводов, да и как их делать – маловато оснований. Но даже если бы их было достаточно – на трезвую голову это будет другой человек, и с ним опять придется знакомиться. В общем-то, так и получилось. На следующий день я отметил Новый год с отцом и сразу пошел к Наде. Здесь сегодня было полно гостей. Большую часть людей вокруг я

не знал, в том числе, как выяснилось, хозяйку дома Марину – тоже. Вот и знакомился.

Основная масса гостей, по словам Нади, была партнерами ее матери по работе. А прежде, чем это услышать, невольно размышлял, что это за непривычный лоск исходил от окружающих? Честно говоря, я уже замечал прежде, что те, кто с успехом занимаются предпринимательством, имеют особый блеск. И вообще, эти самые бизнесмены, что попадались тогда на глаза, в какой-то момент начинали походить на домашних котов. Может быть, это печать пересечения некой черты, где благополучие имеет иное качество? Кстати, жены таких «котов» как правило походили на неких «птиц». Странно, конечно, но стоило только посмотреть на них, и сумбур моего бессознательного в ту же секунду выдавал именно эти ассоциации. Если при взгляде на даже постороннего человека проскальзывало нечто подобное, то как пить дать, предприниматель с женой. Или, на крайний случай, чиновник, но у этих улавливаемые мной черты были более размыты.

На фоне остальной компании Марина выделялась особенно. Она, несмотря на род занятий не вписывалась в те определения, чертами которых отличались остальные. Теперь я видел в ней нечто высокое, и ее физическая красота это и подтверждала, и не оспаривала. Сегодня ее повадка была умеренно-участливой, и если это была игра, то это получалось очень естественно. А если верить книгам разного

рода романтиков, мне думается, именно таких женщин часто идеализируют. За такими возвышенно-не нуждающимися тянутся рыцари и принцы, их называют звездами и богинями. В них есть та притягательная отрешенность, которую так старательно воспроизводят прочие женщины, дабы стать объектом поклонения. Но оставь их одних, и они растеряются и начнут кричать в старании привлечь взгляды воздыхателей. А перестань обращать внимания на такую как Марина она не сделает ничего и просто продолжит смотреть на только ее собственное звездное небо, чем и занималась всегда. И оброненные ей платки не жест признательности или выбора – это просто платки, которые она не смогла удержать в руках.

Я тогда смотрел на Надю и завидовал самому себе – она была очень похожа на мать, но на мое «пиратское» счастье, пока этого не понимала.

Еще из интересных заметок: в этой качественно совсем непривычной для меня компании особенно выделялся очень плохой юмор. Эти люди так же хорошо выглажено выглядели, как и очень плохо шутили. А тот факт, что окружающие смеялись истошно и с огоньком, говорил и о них как лишенных этого дара. Я, конечно, позволял себе смех из вежливости и не «отсвечивал» презрительно-каменным лицом, дабы указать им на юмористическую никчемность – это дорога в никуда. Но уж, наверное, не хохотал как некоторые, особенно старательно. Кроме того, у этих самых «котов», когда они подпили, оказалось полно детских комплек-

сов, и некоторые из них довольно быстро скатились в плоскость «ты меня уважаешь?!». Даже для моих неполных восемнадцати лет это было чересчур, но, когда директор «чего-то там инвест» и владелец сети кафе «У Аркаши», сняли пиджаки и начали «давиться на руках», я понял – нет, нормально. Их жены «птицы» тем временем без споров раздвинули в стороны посуду, а сами уселись на диван. Взялись спокойно трещать: о детях, школах и прочих ветрянках, и ресницах, не обращая внимания на красные покрывшиеся испариной лица армрестлеров. В общем от простого привычного мне «пролетарского» этот праздник отличало только более обстоятельное вступление, дороговизна одежды и подарков. И даже в мои походы на перекур в компании этих самых «котов» все скатывалось к стандартным вопросам: пропаганде собственных ценностей и конечно угрозам (куда без них). «У вас с Надей серьезно?», «Учишься? Нет, не тому учишься! Учись торговать – в экономике всё!» и мое любимое «Если Надю обидишь – пеняй на себя!». Я в тот вечер по настоянию Марины практически не пил. Оттого на вопросы отвечал легко и находил в себе силы понимающе кивать. Словом, делал всё чтобы лишний раз не волновать своих новых толстошеих знакомых.

Первая волна застолья обозначилась экспрессивными выпадами и обсуждениями некоторых рабочих процессов, в которых непосвященный не сможет ни черта разобрать. Ей на смену пришли сентиментальные высказывания и но-

стальгические юношеские воспоминания. Мужчины рассказывали преувеличенные истории, а их жены кивали и время от времени вставляли ремарки и романтические уточнения. Здесь мы с Надей стали недовольно переглядываться, а когда назрела опасность участия в застольной песне, решили отправиться на прогулку.

Пока Надя пошла переодеваться, я надел куртку, обулся и уже нетерпеливо топтался в прихожей, когда из гостиной вышла Марина и закрыла за собой дверь.

– Вы надолго? – громким шепотом спросила она.

– Не знаю, но думаю, что нет – холодно, – ответил я.

– Ваня... – покачивая указательным пальцем начала она, – ты мне понравился. Осталось только с вопросом перспектив определиться, а в целом понравился, – вздохнула Марина и отвела лицо. – Вчера немного неудобно получилось, но такой неприглядной я бываю крайне редко, учти это!

– Вы тоже.

– Что тоже? – насторожилась она.

– Вы тоже мне понравились, – стараясь выглядеть уверенней, сказал я.

– Хм, хорошо... – измерив меня взглядом улыбнулась она. – Молодец, наглый – далеко пойдешь! – и указывая на дверь в комнату Нади, добавила, прежде чем вернуться в гостиную, – аккуратней гуляйте!

– Вы уже вчера предупреждали, – выдал я и уловил в лице Марины легкую улыбку и укор.

Новогодняя ночь выдалась светлая, а так ожидаемый романтиками снег, как еще один символ праздника, уже лежал вокруг высокими покатыми сугробами и блестел в лучах убывающей луны.

Кругом по окрестностям гроыхали фейерверки и петарды. На центральной площади играла музыка. Праздничная толпа приплясывала, вторя словам песни, время от времени вскрикивая, грохоча хлопучками и зажигая бенгальские свечи.

– Обещанная дискотека «от Морозко!»? – глядя на двухметрового Деда Мороза, слепленного из снега, сказала Надя.

Я кивнул и заметил в толпе Саню, кричащего что-то в небо. Мы подошли ближе и поздоровались. Саня всех поздравлял с новым тысячелетием, а когда ему сказали, что двухтысячный год это все еще двадцатый век, он, как мне кажется, ничуть не расстроился. Продолжил кричать и стал трепать за плечо своего азиатского коллегу по сцене – домбриста, стоящего тут же и довольно улыбающегося. Санина подруга тоже вопила и, вложив стаканы нам в руки, немедленно налила в них коньяк. Приказала поздравить Александра Назарова с успешным дебютом на «большой сцене», что мы незамедлительно и проделали. Пока я объяснял Сане, что его выступление, пропущенное мной, нельзя считать поводом для расстройств, и впереди целая неделя, чтобы это восполнить, неожиданно для меня словно из-под земли вырос Вова Кусков с подругой под руку. Я бросил говорить

с вопящим Саней и пожал Вова руку.

– С Новым годом! – сказал я.

– И тебя так же! – ответил Вова и достал из пакета бутылку и стаканы. – По чуть-чуть?

– Почему бы и нет!

Мы выпили, Вова пожал мне руку, еще раз поздравил и пошел через площадь. Я смотрел ему вслед и думал, как же он изменился за последнее время. Стал спокойным, как бывают спокойны победители, и если это итог нашего с ним пререкания, то по логике вещей закон двойственности был нарушен, ведь я никакого проигрыша не ощущал.

Глава 5

Как говорил мой отец: «В нашей стране столько праздников, что короткие будни становятся лишь незначительным неудобством!» И вот еще одно из этих неудобств осталось позади и тринадцатого января наступил другой праздник – Старый Новый год.

Особенность этого праздника на юге Западной Сибири выражается в том, что именно в это время ходят по домам ряженые, поют песни, просят за пляски сладости, а те, кто постарше – рюмку. Кажется, этот праздник есть везде, только отмечается в разное время и имеет другие корни и чаще называется «колядки» или на североамериканский и европейский манер «день всех святых». Здесь он именуется

Шуликаны, принцип тот же, но с погрешностью на особенности атмосферы. Не знаю, откуда это слово произошло. Не то от тюркского, не то от фольклорной фантазии наших выдумщиков и берет свое начало из, допустим, ассоциативных созвучий? По поверью шуликаны (или еще говорят шуликане) – это духи, которые в это время ходят по домам и требуют подношение, а не получив его, могут наказать заносчивого хозяина: уронить поленницу или снять с петель калитку. Но народ особенно в тонкости происхождения этого торжества, как водится, не вникал, а просто праздновал. Так что несколько вечеров, начиная с тринадцатого января, никто особенно не удивлялся, если к нему в дом ввалится ватага орущих частушки ряженных в масках зверей и в вывернутых наизнанку шубах, выслушивал и насыпал угощения, как правило – конфет.

Я на тот момент уже года три как не ходил шуликанить. Скорее всего стал считать себя слишком взрослым для конфет в качестве платы за песню. Но вдруг, в разговоре с Надей неожиданно узнаю, что она вообще никогда не участвовала в этом лихом празднике. По ее словам, она наблюдала за ним со стороны, как за чужим танцем. На время праздника закрывалась и не позволяла себе впускать певунов и частушечников за порог. Что же – это не странно. Она ведь в поселок переехала всего года три назад, а для воспитанного городской средой человека, устраивать день открытых дверей для людей в масках, как минимум странно, думалось мне

и сразу вспоминался тревожный музыкальный мотив и телепередачи «Криминальная Россия».

Бог – свидетель, я не хотел участвовать в этом празднике и на этот раз, но узнав, что Надя никогда не бродила по домам в лихой компании ряженных, во мне вдруг взыграло какое-то сектантское чувство. И пока склонял ее к вакханалии, термины и формы выбирал сплошь сектанско-пропагандистские: «Ты ведь не знаешь, как это здорово!», «Ты же здесь живешь – нужно чтить традиции!» и «Здесь ничего предосудительного нет!». Но Надя хохотала и не поддавалась. Вдруг, словно мне в помощь, к Наде зашла школьная подруга Наташа и, выслушав мое предложение, обрадовалась, сказав, что участвовала в подобном, когда была еще в начальных классах, и теперь это нужно обязательно повторить. Надя согласилась, и я рванул домой готовить костюм.

Позвонил Сане и не успел предложить ему отпраздновать, как он меня опередил. Договорились встретиться рядом с домом Нади в девять часов.

Приделся я тогда всем на загляденье. Напялил вывернутый наизнанку армейский тулуп, который папа принес из военкомата. Надел валенки, а под ушанку нацепил маску гориллы, когда-то купленную для такого же праздника и использованную только однажды.

Тулуп был мне очень велик. Рукава висели ниже рук сантиметров на пять, а широкий подол, торчал в стороны пестрыми пятнами лоскутов из овечьих шкур. Я все со-

мневался, годится костюм или нет. Но когда проходил через неосвященный переулок, и старуха, жившая по соседству на мое: «Здравствуйте!» шарахнулась в сторону и взялась бормотать: «...свят-свят!» и креститься, я понял – костюм хороший!

Еще одно подтверждение, что гориллье гуталиново-черное рыло работает безотказно, я получил, когда нажал кнопку дверного звонка в расчете напугать Надю. Но чуть было не довел до заикания ее мать Марину. Она вскрикнула так, что мне пришлось снять маску чтобы ее успокоить. Не успела она меня отчитать за свой испуг, как из комнаты Нади в коридор вывалились две горбатые фигуры. На них были вывернутые дубленки, подпоясанные шарфами и пластиковые перемазанные красным лаком для ногтей маски свиной.

– Ваня, а у тебя какой костюм? – спросила одна «свинья», обувая сапоги. Я показал маску гориллы.

– Мам, я подушки с дивана для горбов взяла... Всё, пока – я не поздно! – сказала вторая «свинья», выходя в дверь.

Я только нацепил свою гориллью голову, и глядя в растерянное лицо Марины, призвал ее не волноваться и закрыл за собой дверь.

Саня с подругой Катей уже поджидали у дома. С костюмом Саня явно не морочился – надел какую-то старую одежду и хоккейную, маску натянув поверх нее спортивную шапку с помпоном. Кроме того, прихватил гитару. А вот Катя умудрилась где-то раздобыть русский народный сарафан

такого размера, что свободно надела его поверх куртки. Платок на голове был повязан так, что два его угла торчали вверх чуть выше лба. Ее лицо, покрытое чем-то белым, в потемках сливалось в сплошной овал, на котором четко выделялись только глаза. В итоге в одном месте собрались: две горбатых прямоходящих свиньи, уменьшенный вариант маньяка Джейсона из фильма ужасов «Пятница 13-е», но вместо мачете – с гитарой, жутковатая гейша в русском-народном сарафане и горилла в валенках и вывернутом наизнанку тулупе – картина в духе инфернального сюрреализма.

Прежде понаблюдав за обстановкой на улице, по которой уже бродили небольшие группы «нежити», вроде нашей, стали дружно обсуждать какой из дворов первым осчастливить своим залихватским видом. Вдруг неожиданно для меня предложила Надя: «Раз уж мы не можем определиться, к кому идти первым, пусть один из нас назовет номер, а другой улицу».

– Три! – крикнул «Джейсон».

– Подгорная! – добавила его подруга своим белым ртом.

Дружно ринулись вперед, по дороге договорившись о программе выступления. Саня сказал, что может сыграть и что-нибудь спеть, а если нет, запасной вариант в качестве частушек предложила Наташа. Я попробовал втиснуть в концепт выступления еще и матерные зарисовки, но «гориллу» тогда, почему-то никто всерьез не воспринял.

Адрес располагался неподалеку, и стоило подойти к

забору избранного случайно дома, вся наша зверская компания стала с сомнением переглядываться. Домишко вид имел прямо скажем неблагоприятный. Но, как ни странно, никто не стал возражать против случайного выбора, и мы друг за другом поплелись по узкой тропинке к дверям, пропуская вперед творческий костяк в лице «Джейсона» и «горбатой свиньи».

Саня постучал и спросил хозяев, никто не отозвался, и мы ввалились на темную веранду. Саня забубнил и взялся ощупывать стену, когда вновь постучал и открыл дверь:

– Эй хозяин принимай – дар из сумки вынимай! – выкрикнул он и вошел внутрь, а остальные, не сговариваясь, взяли голосить, создавая фоновый шум.

Набившись в тесную прихожую и закрыв за собой дверь, все вдруг умолкли. Первым делом пришлось отметить тяжеловатый затхлый запах, а уж после остальную, сомнительную обстановку. Обои на стенах вздулись множеством пузырей, старые кухонные шкафчики покрывали наклейки. На печке, испещренной мелкими трещинами, давно не обновлялась побелка. Не покрытый скатертью стол, сплошь занимала грязная посуда и полупустые бутылки.

Из дверного проема справа доносились звуки телевизора, кажется, повторение новогоднего концерта (по крайней мере мы вошли, когда пел Л. Лещенко). Саня вновь повторил свой выкрик, и из комнаты вышла низкорослая женщина в ситцевом халате с растрепанными волосами и одутловатым

лицом. Она на секунду замерла и осмотрела нас равнодушными отеками глазами. Молча взяла табурет из-за стола, поставила его к печке, уселась, закурила и сказала скрипучим голосом: «Давай!».

Не знаю какой бес вселился в Саню в этот момент, но он запел именно:

– Изгиб гитары желтой ты обнимаешь нежно, струна осколком эха пронзит тугую высь...

– Нет. Стой. Всё. – сказала женщина и, поднявшись, вынула из кармана десять мятых рублей и протянула их вперед. Саня бросил петь, взял деньги, а женщина добавила, кряхтя усаживаясь обратно, – у меня мужик этих бардов не любит – услышит орать будет. Все идите!

Тут на кухню вывалился только что упомянутый мужик. Он медленно покачнулся, тряхнул ядовито-бордовым лицом и прошептал:

– Ага, язычники... прискакали! – прошел к столу, вытащил из-под него табурет и, опять покачнувшись, шагнул в центр кухни. Попытался поставить его на пол, но только склонившись, поскользнулся и, падая назад, подбросил табуретку вверх и разбил лампочку.

Под звон стекла, кряхтение мужика и сиплый смех женщины, мы дружно ломанулись на выход, спотыкаясь в темноте о ноги друг друга.

Быстро пробежав по узкой тропинке до ворот, хохоча и тяжело дыша сбились в кучу.

– Пронзил тугую высь... табуреткой! – сказал Саня.

– А это всегда так? – спросила Надя.

– Нет. Это только тебе так повезло, – заметил я.

– Первый блин! Это был первый блин, который комом! – рывкнул Саня и, задрав маску, закурил сигарету.

Мимо нас тем временем пробежала ватага каких-то мелких крикливых «чертей» и исчезла за поворотом на Белую улицу, а перекурив, и мы двинулись следом.

По широкой освещенной лучше многих других Белой, там и здесь носились ряженые, вереща разнообразием детских голосов.

– Они здесь уже весь урожай собрали! – вскрикнула Наташа.

– Тогда пойдем на Полевую! – предложила Надя. Все умолкли, ожидая разъяснения причины предложения. – Нам же благополучные нужны! Те, что посолидней – те, кто больше даст, правильно!?

– Правильно! – подтвердил я. – А кто там на Полевой?

– Знакомая матери, – пояснила Надя.

– Ладно. Идем?! – сказал я, осматривая остальных, и все поочередно кивнули.

Как только на Полевой Надя остановилась у высокого коричневого забора с большим почтовым ящиком на калитке, Саня вдруг тяжело вздохнул и тихо сказал с оттенком рассеянности:

– Знает твоя мама, с кем дружить! Здесь же родители рай-

онного прокурора живут!

– Ну и что – нормальные люди! – ответила Надя и повернула ручку, не оставляя нам времени на пререкания и споры.

Надя и Наташа бойко пошли по тротуару через двор. Мне туда идти не хотелось, но разве был вариант, в котором я туда не иду, но Надя не меняет своего мнения обо мне? Манипуляторша – что с нее взять!

Столпившись у дверей, мы судорожно и торопливо взялись обсуждать, что петь, но впопыхах ничего нового не сообразили, кроме все того же бесовского «изгиба гитары желтой...». Наташа вдруг сказала, что не понятно, отчего забыла все приличные частушки, и теперь в голове только матерщина. Но Надя, только усмехнулась и нажала звонок.

На веранде включился свет, и слышался мягкий женский голос:

– Кто там?

Секунду все молчали пока Катя не саданула своим маленьким кулачком Саню в спину.

– Эй, хозяин, отворяй – пироги нам отдавай! – хрипло и слегка нервно выдал Саня, а мы дружно уставились на Надю.

За дверью слышался скрип, и тот же голос, но теперь звучащий приглушенно: «Девочки, к нам шуликане пришли!», – на него отозвались тонкоголосые крики и частая возня, которую могут создать только дети.

Дверь открылась, и кудрявая полноватая женщина лет шестидесяти, оглядела нас и сказала:

– Ух, хорошие! Проходите!

Мы ввалились в дверь, пихая вперед нашего музыканта. Последней зашла хозяйка, заперев за собой дверь. Она протиснулась через нашу толпу и подозвала двух девочек лет пяти-шести, несмело выглядывающих из-за угла прихожей. Они подошли к женщине и с интересом уставились на нас.

Саня осмотрелся и завел свой «изгиб», но не выдал и куплета, заглох. Женщина аккуратно поинтересовалась, нет ли чего-нибудь детского в нашем репертуаре, на что Саня как настоящий профессионал моментально стал играть «в траве сидел кузнечик». Дети в ту же секунду стали приплясывать и подпевать.

– А что вы нам принесли? – неожиданно спросила одна из девочек.

– Мы пришли забрать у вас конфеты! – не растерявшись, сказала Надя, чуть понизив голос и протянув вперед руки. Девочки переглянулись и рассмеялись.

Тем временем в прихожую вышел жующий что-то прокурор, следом его жена, а за ними еще две семейные парочки: представители смежных ведомств. Заместитель начальника милиции и его супруга, инспектор по делам несовершеннолетних, и заместитель главы администрации по культуре с мужем, кажется, занятым на службе в районо (отдел образования и науки).

– А у вас чего-нибудь покультурней нет! – брезгливо поинтересовалась замглавы по культуре.

Все замолчали, и с сомнением посмотрели на нее. Тут меня словно за шиворот кто-то взял, или литературная шлея под хвост попала. Я шагнул вперед, совершенно бессмысленно снял свою ушанку и начал:

– Выхожу один я дорогу; сквозь туман кремнистый путь блестит. Ночь тиха. Пустыня внемлет богу, и звезда с звездою говорит...

Я продолжал читать, совершенно не представляя каким образом и откуда взялось это стихотворение в моей голове целиком. Меж тем ответственные лица напротив с каждой строчкой все сильнее наполнялись каким-то смятением. Дети прижались к ногам бабушки, и округлили без того большие глаза. Наверное, так и получают детские травмы? Еще бы, ведь не каждый взрослый выдержит экспрессивное прочтение Лермонтова не проронив чувства, а тут дети... При том что декламатор – горилла в валенках и тулупе наизнанку.

Закончив читать, я отступил назад и осмотрел окаменевшие лица внимающих, когда спустя несколько секунд тяжелой тишины прокурор покашлял и стал хлопать, а вслед за ним и остальные. Честно говоря, я ни черта тогда не понял: почему хлопают? что на меня нашло?

Саня как настоящий артист не стал впадать в рефлексию, вместо этого воспользовался моментом. Повесил гитару на плечо, достал пакет, раскрыл его и сказал:

– Тот, кто слушал наш куплет – подавай сюда конфет!

Вдруг прокурор бросил хлопать и исчез за дверью, но

спустя полминуты вынес стеклянную чашку с конфетами и высыпал ее в пакет. Наша компания двинулась на выход, а прокурор окликнул меня:

– Как фамилия?

Я с малых лет имел привычку врать на любые вопросы представителей власти. По силе действия она могла сравниться с инстинктом самосохранения. Она не подвела меня и теперь, и я без паузы и дрожи четко ответил:

– Гориллкин!

Тут захохотали дети, а прокурор, кивая за спину, с улыбкой сказал:

– Даже они не верят! Хотя не важно, вот тебе от меня лично! – и протянул сто рублей. Покосившись на представителя районо, с усмешкой вложил мне в ладонь еще и апельсин, добавив, – а это – от науки! – и стал хохотать.

Я сказал: «Спасибо» и вышел вслед за нашей «нечестивой шайкой», уже стоящей у ворот.

– Ну, Иван! – качая головой начал Саня, уже сдвинувший маску на затылок и закуривший сигарету, – не знал, что ты так читаешь – хоть стекло режь!

– Я сам не знал! – отгоняя странное чувство отстраненности, ответил я.

Надя подняла свою маску и ни с того ни с сего взялась меня обнимать. Я стянул с себя гориллью голову и уставился Наде в глаза. Но она так же внезапно оттолкнула меня и с каким-то поддельным разочарованием сказала:

– У тебя лицо мокрое, – и отошла к остальным.

Что там лицо, незаметно для себя я вспотел весь целиком, так что скользнувший под тулуп ветер заставил меня вздрогнуть.

Саня радостно тряс добытыми конфетами, вереща, что это первый случай в истории, когда прокурор поделился тем, что не вызвало общественных возражений. А я пока размышлял, куда вложить полученные средства – «в носок» или прогулять со всеми вместе? но ничего лучше, чем «... куплю блок красного L&M-а!», не нашел.

Пока я перекуривал, вывернув маску, протирая ее рукавом кофты, наши двинулись вниз по улице, не дожидаясь меня. Догнав остальных уже на перекрестке, я поинтересовался, в чем тут дело, и получил странный ответ, будто они уже решили куда идти, а мое мнение не учли в наказании за экспромт. Завистники таланта временно отлучили меня от участия в коллективном волеизъявлении. Хотя чему удивляться в компании «маньяка», «русской-народной гейши» и парочки «свиней»!

– Теперь ты можешь выступать сольно! – неожиданно едко, громко сказала Надя.

Быстро бросив намерение что-то объяснить, я поддался направлению толпы, еще пытаюсь поддеть «бунтовщиков» колким «горилльим» словом.

– Смотри! – вдруг крикнул Саня, указывая на плохо освещенный двор на углу Мичуринской и Базарной.

Из темноты послышался топот, и набор приглушенных неразборчивых голосов сменился длинным выкриком: «Противень оставьте!». Дощатая калитка распахнулась, и на улицу высыпали совсем мелкие ряженые. Когда они пробежали под уличным фонарем, стало ясно видно, что первый из них (с нейлоновым чулком на голове) держал на вытянутых руках противень с источающими пар пирогами, а весь остальной десяток спринтеров, часто оглядываясь, подгонял его.

– Брось противень, сволочь! – крикнула выскочившая из калитки старуха. – Пироги забирай – противень брось! – но свора мелкой нечисти только ускорила бег, пока не скрылась в темноте переулков, вскрикивая и улюлюкая.

Мы, не сговариваясь, переждали в тени придорожного тополя, пока старуха, тихо бранясь, не вернулась в дом (а то, черт ее знает, еще и на нас накинется). После свернули на Базарную и спустя несколько минут наткнулись на другую толпу ряженых.

У того самого адреса, от выбора которого меня отстранили, толкались, наверное, человек пятнадцать, примерно нашего возраста. Я на первых порах растерялся в попытке определить, кто есть кто. Но рассмотрев самого толстого наряженного в черную искусственную шубу и красную маску черта из папье-маше, четко определил Сечкина Антона – единственного на всю округу с такой комплекцией.

– Антоха! – тоже справившись с опознанием, крикнул Са-

ня и ткнул «красного беса» пальцем в мохнатый живот.

Вместе с Темой тут же была распознана основная масса народа вокруг. Это были центровские (в нашем поселке молодежная среда в стремлении к самоопределению делилась на условные районы: совхоз, центр, гора, кирзавод. У нас как представителей кирзавода с центровскими никаких особенных конфликтов не было, и поэтому наша случайная встреча ознаменовалась приветствием и обменом парой колких фраз.

Нужно сказать, что я не мог не отметить очень приличное исполнение костюмов, особенно у некоторых из этой толпы. Чего стоили, например: «смерть» в широком плаще с капюшоном и анатомически верной маской черепа. «Леший» с синеватым лицом с белой бородой и сучками-рожками, словно растущими из головы. Прочие хоть отставали в визуальной правдоподобности, но брали разнообразием. Здесь были и кот, и ворон, и волк, и свинья (кстати, лучше двух наших) и один маленький, но заметный – с большой головой быка из папье-маше.

За этой трепотней я только теперь вспомнил, кто живет по этому адресу. И вместе с тем сообразил, почему Саня и девчонки пошли именно сюда.

Хозяином этого дома был Тарас Колунов – предприниматель среднего звена с барскими закидонами века, наверное, восемнадцатого. В качестве оснований для такой репутации, определяющими факторами, можно было считать по-

всеместную болезненную тягу к старорусскому стилю. К тому же в его дворе на постоянной основе работало три человека, шутили, что он в крепостном праве упражняется, но правда зарплату платит. Кроме ненастоящих крепостных он вообще не ровно дышал к старинному купеческому колориту. Носил бороду, катался на зимние праздники в тройке лошадей, запряженной в сани, иногда швырял прохожим подарки, наряжался в тулуп и шапку и прочее в том же роде, на что хватало представлений.

Так вот, зайти на шули́кины к Тарасу и, хорошо сплясав или исполнив частушку, выйти от него недовольным дарами, было почти невозможно. И на этой почве теперь назревала борьба за то, кто войдет первым.

Естественно, стали ругаться. Мы с Саней попеременно кричали, что их толпа слишком большая, и если они войдут первыми, то нам ничего не останется. А Антон и еще несколько глоток вопили, что если пропустят нас вперед, то мы соберем все «сливки», а им достанутся только какие-нибудь баранки. Только подступили к порогу, за которым все решает численность спорщиков, как двор Колунова озарился светом, и спустя минуту перед нами открылись двустворчатые ворота.

– Проходите, гости дорогие! – сказала встретившая нас старушка в черной шубе и белом платке и торопливо пошла к дому.

Все молча уставились в створ ворот. Посреди двора го-

рел большой костер, освещая все вокруг. Рядом с крыльцом стоял стол, заваленный всякой съестной всячиной. У стола стоял Тарас в своем купеческом наряде, а рядом с ним его домочадцы: жена, две дочки и маленький сын, одетый в точности как папаша. Женская часть семейства, наряженная в очень похожие друг на друга длинные широкие юбки, короткие сюртуки с меховой оторочкой и черные, в цветах платки, ожидающе улыбалась.

– Ну! Чего у ворот толчетесь!?! – рявкнул Колунов. – Заходи! – и исчерпавшая предмет спора толпа, чуть помедлив, ввалилась во двор.

Мы столпились у костра, Тарас оглядел нашу пеструю ватагу и сказал:

– В общем так, граждане ряженные, я предлагаю такую вещь! Для порядка и чтоб стол раньше времени не разграбили, встаем полукругом у костра по одному или по два, выходим к столу и поем! А! Как?!

Толпа, не особенно протестуя, растянулась вокруг костра полумесяцем. Сейчас уж точно каждый был сам за себя. Я теперь стоял между «смертью» и «вороной», а, допустим, Надя с Наташей между «красным чертом» и «котом».

– Ну давай! – рявкнул Колунов. – Кто начнет тому большую шоколадку!

Тут «леший» пихнул вперед того самого маленького, с большой бычьей головой на плечах. Он замер и робко огляделся: «Ну!» – улыбнувшись подгонял Тарас, и «бык» начал

нервно орать:

– Из-за леса выезжала конная милиция!..

– Стоять! – прервал Тарас. – На шоколадку – иди. Так! Дальше без матерщины, у меня тут дети! – кивнул на тихо смеющихся дочек.

Теперь пошло повеселее. Уже друг за другом и почти без пауз менялись местами «звериные морды». Пели или просто плясали, получали угощение и отступали в сторону. Вслед за «смертью», исполнившей какой-то жизнеутверждающий стишок, настала моя очередь. Я шагнул вперед и вновь как ошалелый стал читать стихотворение, опять непонятно откуда взявшееся в закромах моей памяти. На этот раз вспомнился Есенин:

– Не жалею, не зову, не плачу, все пройдет как с белых яблонь дым. Увяданья золотом охваченный я не буду больше молодым...

– Бошка то черная! Какое тут увядание золота? – вклинился Тарас, и на это его замечание рассмеялась только старушка в белом платке. – А ты братец в кого ряжен?! – бойко спросил он и, не дожидаясь ответа, растолковал сам, – на сторожа с автобазы похож – тоже черный как сажа! – тут уж расхохотались все.

Мне вручили пригоршню шоколадных конфет и батончик и на мое место встал «ворон», тут же взявшийся ловко и бойко отплясывать вприсядку. Вообще все это действие, стоило ему набрать обороты, закружилось очень живой силой.

Притягивало и играло, моментально сглаживая и смешивая любое слово и эмоцию в единую круговерть. Сквозь дыры маски, теперь вся эта пляска виделась мне абсолютно сказочной, ненастоящей, иллюзорной. Казалось, что вот-вот, и вслед за очередным танцором или частушечником и пламя костра выскочит из костровища и тоже исполнит что-нибудь на свой лад. И ряженые, сняв маски, окажутся именно теми, кого они теперь изображают.

Я отступил в сторону и, расовав конфеты по карманам, вышел за ворота. Задрал маску и закурил. Странное чувство наполняло меня: не усталость и не похмелье, скорее нечто вроде опустошенности. Вдруг стало зябко и как-то непривычно трезво – ушел кураж.

Дождавшись, когда Колунов раздал остатки угощения, и толпа вышла из ворот, я еще раз покурил со всеми вместе. Уже было собрался уходить, как с Надей что-то, случилось. Она ни с того ни с сего взялась бегать по кругу и с каким-то нервным хохотом стаскивать маски с лиц. Хотя тут беспокоился только я, а остальные, довольные пляской и подарками, только отмахивались и смеялись, и скоро совсем разошлись.

Я уже объяснил себе ее нервный выпад распаленным, но не израсходованным во время песен и танцев баловством и только хотел подумать, что теперь-то оно наконец иссякло, но... Уже по дороге домой Надя несколько раз рвалась сдирать маски с первых встреченных ряженых, и каждый раз приходилось ее от них оттаскивать. А в попытке поговорить

с ней на эту тему, она кричала одно и то же: «У него не было маски! У него не было маски!»

В конце концов, уже у самого дома, она пришла в себя и стала рассказывать, что в толпе пляшущих, кроме людей в масках, был еще кто-то. Он не выходил петь и только толкался в кругу у костра. На мой вопрос, как он выглядел, Надя ответила: «Высокий, узкоплечий, в черном плаще конусом и с головой птицы... и это была не маска...»

Я со своей стороны предлагал такой вариант развития событий, в котором ее фантазия и праздничная эйфория сложились вместе плащ «смерти», с маской вороны – вот и померещилось. Надя, кажется, версию приняла, слегка успокоилась, на том и простились.

К этому времени пошел снег крупными густыми хлопьями. Я озяб и вывернул тулуп меховой стороной внутрь и даже не знаю почему, но опять нацепил свою гориллью маску.

Я плелся домой, а в голове мысли скручивались в хаотичный комок: «Надя? ...я, похоже, ее совсем не знаю? Где она, та, и кто эта? Птичья голова! – выдумала тоже! И эти молодцы – кто такой толпой на этот праздник ходит? Хотя... ничего не боятся! А Колунов?! Это же бред какой-то старорусский! Ну кто его такого всерьез воспринимать станет? Хотя воспринимают же! А как семейство его это терпит!? Дети ладно... но жена? Или такая же? ...хотя что там – дети есть, дом, деньги, что еще?! Любит наверно? А про-

курор, видно этого из району не долюбивает?» Я нащупал в кармане апельсин и улыбнулся.

Когда шел по своей улице, рассматривая заборы со снятыми калитками на некоторых, то улыбался еще больше. Представлял, как шкодливые мелкие шуликаны не получив конфет от хозяина дома, судорожно оглядываясь снимают с петель калитку и бегут с ней подальше, чтобы зарыть в какой-нибудь сугроб. Мы и сами так делали в раннем детстве. Я уже зашел в свой двор, когда заметил, как тихо теперь во-круг. Слышно малейший шорох, и то, как ссыпается снег с перегруженных веток яблони. Нет ни скрипа дверных петель. Ни собачьего лая. Ни машин на улице. Только плавная густая стена снега в своем равномерном безветрии ползет вниз.

Я снял маску и прислушался, не переставая удивляться такой странной тишине. Вдруг боковым зрением заметил какое-то темное пятно на дороге. Я уставился в снежную стену и увидел медленно идущую сквозь нее тонкую фигуру с большой птичьей головой. На секунду задержав дыхание и не отрывая глаз от дороги, я ощупал карманы и на выдохе швырнул подаренный прокурором апельсин в снежную мглу. Послышался глухой удар и громкий возглас:

– Ваня, ты что?!

Я зажмурил глаза, тряхнул головой, вновь уставился на дорогу и выдохнул:

– Тьфу ты, черт!

Теперь образ странного существа превратился в фигуру отца, а птичья голова в его шапку ушанку. Отец зашел в калитку и, глядя вперед, отряхнул плечо, всмотрелся в мои ошалелые глаза и спросил:

– Ваня, ты чего кидаешься... выпил? И кстати, чем?

– Ничего я не пил – просто показалось.

– Что бросал? – с намеком на улыбку сказал он, не отрывая глаз от моего лица.

– Прокурорский апельсин, – задумчиво ответил я.

– Точно не пил?

– Точно, точно! А ты сам чего по ночам бродишь?

– У меня сегодня смена, а в военкомате с отоплением беда. Не знаю, то ли уголь им плохой привезли, то ли в системе засорилось что-то? Дело естественное – кто ж знал, что у нас зима бывает! В общем, я не готов ночевать в помещении с температурой воздуха плюс пять, вот и бегаю несколько раз за ночь, проверяю все ли в порядке... На днях обещали исправить. Ладно, это все так – привычные неприятности... пойдём лучше чай пить! Не знаю, что тебе там показалось, но один только прокурорский апельсин, если это не метафора, уже требует застольной беседы, – разглядывая маску в моей руке, по обыкновению деликатно заметил отец.

За чаем просидели допоздна. Отец рассказывал какие-то байки из собственной молодости, как полагается – привирая, а я все думал о Наде. Ее дебют в качестве ряженой можно было считать состоявшимся. Хотя если вдруг она

изменит свое мнение обо мне как инициаторе досуга, то в общем-то будет иметь на это свое право. А впрочем, может быть, она и примет то, где временная потеря такой основы как здравый смысл вполне может быть оправдана требованиями традиций. Ведь есть же место в русском фольклоре и языке такому празднику как старый Новый год и ничего. Никаких увечий на теле лингвистики и культуры в целом никто по этому поводу не отмечает – просто традиция, подкрепленная историческим фактом и не более того.

Глава 6

Нет, не знаю, после того ли праздничного забега в масках или позже, но общение с Надей пошло на спад. Остаток зимы и весна растянулись в странный марафон с ускорением, где расстояние между нами росло в пропорции к количеству пустых претензий. И в мае, еще раз обменявшись набором неуместно-резких упреков, мы прекратили встречаться. А дальше небо потемнело, на лицо напоззло сиротское выражение, и к горлу подкатил комок... шучу – вообще ничего! Ни малейшего намека на сожаление. Я тогда даже подозревал некую эмоциональную атрофию, потому как примеры окружающих показывали, что расставаться порой действительно сложно. И тем сложнее, чем дольше были вместе. И это примеры уже взрослых, казалось бы, устойчивых к потерям людей. А уж если брать мой возраст, то слезы в три ру-

чья, трясущиеся конечности и общий подавленный вид при таких делах оценивались как норма.

На первых порах прекращения встреч с Надей, мне сложно было понять, почему некоторые знакомые смотрят на меня с такой горестью. И только какое-то время спустя вспомнил об общепринятой реакции на чужое расставание. Я все думал, какого черта им надо? Есть ведь своя жизнь – живите ее! И что мне делать с вашими трагическими взглядами? Не ровен час, и соболезнования высказывать начнут! Такое ощущение, что это обществу нужно дать время для того, чтобы прийти в себя, а не мне с Надей. Хотя мы как раз в нем и не нуждались.

Кстати, Надя, судя по ее посылу, не только не переживала по нашему общему поводу, но и выглядела так, словно давно этого хотела (женщины умеют так выглядеть). И дай ты бог, если не прикидывалась. И хорошо бы, чтобы получилось, как у меня – все обошлось запоздалой тенью скуки, с которой новые заботы расправляются на раз-два. Тем более что Надя в тот год закончила школу и скоро укатила в город поступать в университет, так что этих самых забот должна была получить в достатке.

Я тем временем окончил второй курс, и накрывшаяся известной металлической посудой личная жизнь, оставила мне уйму свободного времени. Новое лето совсем не хотелось тратить на лежание в гамаке. Тем более что наступившее еще весной совершеннолетие открывало возможность

легального заработка. Моя нужда в деньгах никак не влияла на успех в поиске работы. Куда бы я не обращался, везде требовали хотя бы маломальский рабочий стаж, что не удивительно. Так что спустя две недели поисков из доступных вакансий обозначились: вязальщик дранки, на частной пилораме – 1550 рублей в месяц, «проредитель сосновых лесопосадок» в лесхозе – 1207 рублей в месяц и еще более беспощадное занятие – «охранник кабеля». Последнее дело требует более конкретных пояснений! В закрытии вакансии охранника кабеля нуждалось местное дорожно-строительное управление. Дело состояло в том, что кандидат на должность обязан сопровождать выездную бригаду ремонтников и посильно охранять кабель. Его протягивали от автономного электрогенератора к месту работ. Особую бдительность требовалось проявлять во время обеда, когда, исходя из прошлого опыта, чаще всего он и пропадал. Сами рабочие отказывались нести за него ответственность, потому как стоил он дорого, а крали его несколько раз за сезон. Так что руководство управления решило выделить лишние две тысячи рублей в месяц на охранника вместо того, чтобы снова покупать новый кабель. Он стоил не то двенадцать, не то семнадцать тысяч рублей, при том, что в его очередной пропаже никто не сомневался.

Вакансии, конечно, одна другой краше! И если вязальщик дранки и прорядитель сосновых лесопосадок это еще туда-сюда (и дело даже не в нищенской зарплате), но пер-

спектива целый день паяться на кабель отдавала явной бесовщиной. После такого наверняка пришлось бы реабилитироваться перед собственной психикой, богом и людьми.

В общем, я уже было разочаровался в себе как в рабочем человеке и приготовился валять бедного дурака, как вдруг случайно наткнулся на одного знакомого. Его звали Олег, до класса седьмого мы с ним учились на одной параллели в школе, а после он исчез из поля моего зрения.

В другой раз я бы прошел мимо, и, может быть, просто отметил его в числе прочих прохожих. Мы никогда не дружили и общались только по случаю и в компаниях, но он поздоровался первым и ни с того ни сего поинтересовался как мои дела. Я не то чтобы удивился такой участливости, но так или иначе никакого секрета из своего положения не делал и сказал, что теперь ищу работу. Он понимающе кивал на упоминания тех профессий, которым соответствует моя сегодняшняя квалификация. Как вдруг сказал, что сам последние два месяца работает на мясокомбинате, чем вполне доволен. Говорил, что на первых порах эта работа не требует особенной подготовки и предложил попробовать устроиться туда же. Я, конечно, согласился – в конце концов стоит ли отказываться от удачи, когда она сама идет в руки, но только совершенно не представлял, как для этого действовать? И Олег тут же объяснил мне пошаговую инструкцию, в лучших традициях русской народной сказки.

– Значит, смотри – в семь тридцать, в любой будний день

выйдешь на перекресток Новой и Объездной, подойдет серый автобус с широкой зеленой полосой на боку – это мясокомбинатовский... Скорее всего, будут пассажиры кроме тебя – садись с ними вместе! Водитель спросит: «Кто такой?», скажи: «Устраиваться!» – и доедешь. Потом народ на второй этаж пойдет, ты не ходи – жди внизу. Ровно в восемь приезжает местная управляющая Анна Семеновна – мощная баба со странной прической, сразу поймешь. Она по телефону всем отказывает в устройстве, а тех, кто приезжает опрашивает сама. В общем, не теряйся, наплети чего-нибудь вроде: исполнительный, работать умею, быстро учусь... Даже если не возьмут – в девять автобус обратно в поселок поедет, так что ничего не потеряешь. Удачи!

«Ну вот и хорошо, и замечательно, стоило только перестать искать работу, как она нашла меня сама!» – подумал тогда и непонятно почему проболтался впустую еще два дня, прежде чем поехать. Что за натура!?

Наконец, собравшись с духом, сделал все, как сказал Олег. В восемь утра в узкий коридор административной части здания мясокомбината вошла Анна Семеновна. Да, о прическе Олег не соврал – она была похожа на слегка сдвинутый шар с широкой прищепкой на затылке, и насчет остального тоже. Анна Семеновна и правда отличалась ростом и крупным телосложением, но при этом лицо ее было непропорционально узким.

Из соискателей в этот день был я один, и, может быть,

поэтому на мое собеседование Анна Семеновна времени не жалела. Она вывалила на меня такую грудку вопросов, что я слегка растерялся. И если такие темы как: готов ли я при необходимости оставаться на работе сверхурочно? и боюсь ли вида крови? странными мне не показались, то интерес к моим гастрономическим предпочтениям и цветам в выборе одежды, слегка обескураживали. Но так или иначе, все, что я ответил, ее устроило, и стоило мне подумать: «Она бы еще размер обуви спросила!», как десять минут спустя именно об этом поинтересовался местный кладовщик, когда выдавал робу и сапоги.

Кроме прочего мне выделили шкафчик в раздевалке и повели на экскурсию. Ее поручили начальнице колбасного цеха Наталье – приятной благовидной женщине средних лет.

Для начала она повела меня смотреть «линию», так называли основное помещение комбината, где производится забой скота и его разделка. Линией оно называлось не то за последовательность отдельных операций, которым подвергалась туша животного. Не то за одиночный рельс, разделенный на несколько ступеней и проходящий по центру помещения. От верхней под самым потолком, до нижней в полутора метре от пола. В самом начале помещения у стены стояла высокая железная коробочка, к которой примыкала широкая платформа с лестницей. Там и здесь стояли глубокие двухколесные тележки и блестящие металлические столы. Вдоль линии на подвесных тросах болтались какие-то аг-

регаты: щипцы прихваты и электропилы, с узкой решетчатой платформой у каждого. Очевидно, что разобрать их назначение с кондачка не представлялось возможным и поэтому я просто задумчиво кивал, когда Наталья указывала на то или иное приспособление и описывала область его применения.

Дальше, накинув какие-то дежурные телогрейки, пошли в морозильник. Здесь ровными плотными рядами на стальных крюках, прицепленных к рельсам, висели четверти коровьих туш и тощие тушки баранов. Сразу за морозильником располагался широкий теплый коридор с выходом на погрузочную платформу справа и высокими воротами холодильника слева.

Экскурсия на этом закончилась, и Наталья отвела меня к местному бригадиру Андрею Андрееву для дальнейшего введения в курс рабочих обязанностей. Тот сказал сразу, причем без моих вопросов или пожеланий, видимо и без того знающий, что у всякого вновь поступившего на уме:

– Не волнуйся Ваня, животных тебе убивать никто не даст... до этого нужно еще дорасти, и в холоде они от твоих рук ни в коем случае не пострадают!

По местной традиции, как и любого новичка, меня отправили на работу в морозильник. По местным меркам самое незавидное распределение (кстати, здесь работали не только вновь поступившие, но и проштрафившиеся). Дело, порученное мне, было не хитрое. Задача состояла в том, чтобы разъединять смерзшиеся четверти туш коротким ломом

и сталкивать их к дверям коридора. После этого их сбрасывали с рельса и укладывали на поддон автокара. Затем один из тех, кто имел сноровку в его управлении, отвозил туши в холодильник, и все повторялось снова.

Кстати, я не особенно удивился тому, с кем мне выпало работать, – мне и прежде везло на сомнительную компанию. Кроме меня новичков здесь не было, и получалось так, что остальные трое моих собригадников принадлежали к роду вечных штрафников. Об этом некоторое время спустя мне рассказал Олег. Их звали Гриша, Миша и Алда (не знаю, настоящее это имя или нет) – эти работали здесь уже несколько лет и давно заимели одну на всех репутацию неблагонадежных. По рассказам Олега за воровство здесь увольняли сразу, но необходимо было попасться на нем с личным. А если такого не происходило, и при этом обнаруживалась пропажа, то сотрудник, на рабочем месте которого недосчитывались, допустим, бараньей ноги или куска вырезки, автоматически попадал в штрафники и отправлялся в морозильник. А Гриша, Миша и Алда в этом смысле находились в глубокой опале. Даже короткое время, проведенное ими вне морозильника, сразу отзывалось пропажей мяса на их рабочих участках. Старожилы уже давно отсмеялись на этот счет и говорили, будто эти опальные сами уже ничего не воруют, вместо них это делают другие, а начальство по привычке списывает всё на них.

Я понемногу привыкал к работе в «морозильной

бригаде» и, как ни странно, не роптал, тем более что моим опальным коллегам веселости было не занимать. Особенно смешными, на мой взгляд, получались выпады Миши. Он декламировал целые речи о несправедливости и самодурстве управляющей комбинатом. В его устах слышались революционный посыл и обреченная интонация:

– Вот скажи, Ваня, как прожить на пять тысяч в месяц... и с семьей?! Мясо пропало – смотри ка! Докажи! И что, думаешь, эти – на линии, не берут? Воруют все! А нас то, видишь чё – тут заперли! Вроде как говорят – «хочешь мяса, вон в холодильнике его много!»! А как его взять – это же ледяная глыба? Камень, а не мясо! А сами... сами то берут!

– У тебя нет семьи! – подначивал его Гриша.

– Алименты. – с азиатским акцентом добавлял Алда.

От этого Миша распался и старался увести тему в сторону. Но куда бы она ни устремлялась, судя по контексту, это был круг, и скоро все начиналось сначала.

Если Миша свою тягу к воровству прикрывал революционистской риторикой, а семьей называл судебное обязательство платить алименты двум своим детям, то, допустим, Гриша относился к краже мяса совершенно спокойно. Не прибегая ни к каким самоубеждающим ухищрениям. Он выражал это поговоркой, прихваченной им (вместе с синей шапкой с надписью «спорт») еще из советского периода: «Ты здесь хозяин, а не гость – тащи с работы каждый гвоздь!» Но проще остальных смотрел на свою репутацию Алда, он

говорил так: «Что взял – то твое, не можешь взять – чужое!» Вот не знаю, к какой национальности он принадлежал, то ли монгол, то ли казах? Но его внешность напоминала молодую версию какого-то восточного мудреца, чье изображение я не раз видел в отцовских книгах. И если предположить, что он чуть постареет и станет при этом носить халат и шлепанцы, то сходство будет очень близким.

Постепенно вникая в общее настроение предприятия, я знакомился с остальными сотрудниками. Основной костяк коллектива составляли уже многоопытные кровопускатели. А когда я увидел специализацию каждого из них на практике, мои стереотипы человеческих характеров относительно внешности, получили мощный отрезвляющий удар. Прежде, мне казалось, будто те, кто каждый день имеет дело со смертью, должны быть монстрами или хотя бы злодеями, а оказалось все не так просто.

Если описать каждого относительно последовательности цикла, в котором смерть животного необходимо воспринимать, как точку его отсчета, нужно... Хотя нет... до того была еще бригада загонщиков. Они орудовали за стеной убойного цеха и занимались сортировкой животных и загоняли их в рукав. Я видел их только на обеде и в автобусе. Вадик и Эдик – так их все называли, хотя, как по мне, эти уменьшительные версии имен им не подходили ни внешне, ни по роду деятельности. Оба здоровые, лысые, лет под тридцать, с выражениями лиц заправских пиратов и цепкими ма-

ленькими глазами. Они целый день лупили обрезками труб по коровьим хребтам. И старательно загоняли скот туда, куда животный инстинкт идти запрещал – тесный, огороженный высоким забором рукав перед бойней. При этом Вадик с Эдиком всегда имели вид несколько смущенный. И когда вся честная компания вечером набивалась в раздевалку, то довольно безобидно шутили, или бывало угощали всех подряд орехами или семечками – добрейшие люди. А вот Толик или как еще его называли Толик-Киллер, при том, что по пятьдесят раз на дню втыкал копые под высоким электрическим напряжением корове в основание черепа, выглядел еще более мирно. Говорил даже чересчур спокойно, не грубил и больше молчал, внешность имел сухощавую, правда слегка жутковатую. Следующим этапом «линии», который осуществлял бригадир Андрей Андреевич, был подъем туши на лебедке к рельсу. Здесь большими щипцами на пневмоприводе, он откусывал корове задние ноги. Частично снимал шкуру и вешал туши на крючки. Бригадир работал с огоньком и всегда выглядел крепким и подозрительно свежим, хотя его возраст уже перевалил за сорок. Далее от туши отрезали голову, этим занимался мой тезка Ваня – огромный крепкий мужик, словно сошедший с картины на былинную тематику. Этот особенно ловко орудовал ножом и в несколько взмахов отделял голову от тела так, что язык оставался висеть на туше. Ваня казался мне слегка неполноценным, было что-то отстраненное в его лице, кроме того и шутил он плохо. Следующим

на линии стоял давний мой знакомый Олег – он заведовал «шкуродеркой». По сути, это электрическая лебедка с двумя цепями, которые крепят за края шкуры, чтобы ее стянуть. После снятия шкуры Олег бросал ее в окошко соленного цеха на цокольном этаже, где ими занимался уже Семен. Он складывал их на паллеты внутренней стороной вверх и обрабатывал крупной солью, чтобы не портились. Семен работал здесь недавно, но уже заимел себе репутацию весельчака и балагура.

Смотрел и не уставал удивляться и раз за разом проворачивал в голове один и тот же вопрос, как люди, массово убивающие животных, могут быть добры друг к другу. Черт подери, раньше я вообще не представлял, что есть люди, массово убивающие животных, точнее не думал о них! Нет, я не то чтобы устремился в гуманисты или не дай бог вегетарианцы. И до сих пор скептически смотрел на призывы «зеленых» спасти каких-нибудь китов, морских котиков и прочих. Со всеми вместе отмахивался от социальной рекламы, как от назойливой мухи. Но сказать, что меня не впечатлило наблюдение за безвольной смертью, где тушу технологически отлаженно разбирают на части, уже не мог. Стоило лишь однажды проследить весь цикл забоя скота, как разница между теоретически очевидным знанием и практическим наблюдением стала несопоставимой. Тогда я решил, что мне очень повезло работать в «опальной морозильной бригаде», хотя бы по тому, что в ней нет убийц, даже при условии, что есть

«непойманнные воры».

Отцу о своем трудоустройстве я рассказал только спустя две недели, и на первых порах его это не обрадовало. Как раз в это время он начал практиковать питание с минимумом мяса. Книги, которые он читал, сплошь призывали к состраданию и, наверное, в его голове это не особенно вязалось с одновременным поеданием бифштекса или гуляша. Я же, как сотрудник мясокомбината имел скидку на всю продукцию и не кстати получил возможность покупать отборное мясо по низкой цене.

Отец иногда высказывал собственный стыд за невозможность дать мне то, что имеют другие, но в его словах звучала и нота гордости за то, что я зарабатываю сам. Отец в свои шестьдесят лет вообще стал излишне сентиментальным и чересчур чувствительным. Хотя на физический упадок еще не жаловался и даже завел подругу Инессу Макаровну – вдову со стажем и любительницу таких же специфичных книг (просветление, душа, Хари-Кришна в одной руке Хари-Рама в другой и «Живая этика» под мышкой). Пусть мне и казалось все это странным, я за него только радовался. Его подруга была лет на пятнадцать моложе него, а тот факт, что она связалась со сторожем-пенсционером, исключал всякий материальный расчет и, следовательно, подтверждал искренность намерений. А если все это отбросить и просто понаблюдать за немолодыми уже людьми, делающими первые шаги в отношениях, это выглядит довольно забавно. Не ху-

же, чем у подростков, а возможно, и с большей оглядкой на то, что скажут люди.

Пока папа и Инесса вспоминали навыки упражнения в прекрасном, я продолжал работать. Скоро закончился июль и из «морозильной бригады» меня перевели в соленной цех, ведь Семена уволили.

Напутствованный словом старших товарищей, я приступил к новому делу. Работа снова оказалась не хитрой и по сравнению с прежней имела очевидные плюсы – в этом цеху было тепло, и я работал в нем один. При этом моя рефлексия по поводу гуманизма здесь тоже не страдала. Теперь я успокаивался тем, что по-прежнему не участвовал в бойне непосредственно, а просто сменил таскание ледяных туш на засолку шкур.

Прошла примерно неделя после смены должности, и только я к ней по привычке как вдруг вместе со шкурой с линии упал здоровый кусок вырезки. В окне появилось напряженное лицо Олега: «Припрячь!» – прошептал он и в течение дня еще несколько раз повторил процедуру. Я, конечно, не мог ему отказать из благодарности за эту работу и нехотя сложил все в пакет и спрятал за бочками с солью. Вечером, после очередного перекура, он зашел ко мне. Выслушав мои укоры и рассуждения на тему нежелания впутываться в историю, грозящую увольнением, забрал мясо. А позже, вместо ожидаемых мной сожалений, в следующий раз пообещал натаскать вырезки и для меня тоже. Он не так меня понял,

думал я тогда, но руки потирали друг друга сами собой.

Хотя, чего уж там, этическая сторона вопроса отступила первой, теперь беспокоила только перспектива наказания. Быстро уgomонив голос совести, оставалось отрегулировать только технические вопросы. Точнее – как осуществить вынос? Ведь служба охраны совершенно спокойно и в любой момент может предпринять личный досмотр. Об этом меня предупреждали, когда я только поступил на работу. Тем более что настораживали частые и почти показательные досмотры известных штрафников из «морозильной бригады». На выходе их просили распахнуть куртки и могли ощупать рукава на предмет заначенного куска мерзлого мяса. Так что вынос через дверь – это был неоправданно высокий риск, если не глупость. Хотя мои соображения и не пригодились, ведь Олег, уже поднаторевший на этом поприще, сказал, что берет все на себя, а от меня требуется только комплектовать пакеты и придерживать их до вечера. На том и договорились.

В общем, теперь многие вопросы отпали сами собой. День ото дня, я собирал пакеты с мясом, а вечером их уносил Олег. Работали как правило дотемна, когда ехали домой, Олег и еще несколько человек выходили из автобуса напротив небольшого лиственного леска и возвращались уже с пакетами. Как они там оказывались, я не понимал, а на очередной мой вопрос об этом, Олег и прочие знатоки только ехидно улыбались.

Справиться с любопытством оказалось куда проще, ко-

гда спустя неделю этих наших манипуляций мой морозильник был забит вырезкой и филе. Я перестал задавать лишние вопросы о том, какой фокусник телепортирует пакеты из цеха, на ветку дерева в километре от ворот комбината – сообразив, что подобное знание нужно еще заслужить. К тому же вопрос реализации излишков мяса оказался куда актуальней. Но у Олега и здесь все было налажено. Этот мелкоуголовный Мориарти имел в поселке несколько точек сбыта. Здесь за килограмм давали чуть более, чем половину средней рыночной цены. Удивляла не только такая завышенная такса на краденное (практически везде это треть цены), но и люди, которые его покупали. Все сплошь порядочные и с положительной репутацией. Кроме может быть Гии-шашлычника, про которого болтали будто он может и собаку вместо барана на своем мангале изжарить (хотя про какого шашлычника такого не говорят?!). Выходило так: и скот режут сплошь добрейшие люди. Мы – нуждающиеся – берем то, пропажи чего никто не замечает. Скупают краденое вообще приличнейшие люди. Если не вдаваться в слухи – все кругом добрые, балансирующие на грани интеллигентности, но все вне закона!

Олег смотрел на эти обстоятельства куда проще. С моральной стороной он давно разобрался, а законодательную предлагал рассматривать только по факту. «Как за руку поймают – там и будем рассуждать!» – говорил он. Не согласиться было сложно, к тому же пили тогда больше обычного, а

это как известно один из способов борьбы с вопросами морали. Хотя пили так или иначе, и эту борьбу можно было считать побочным эффектом.

Пили много и где придется. Первое время слонялись по барам, а потом будто прописались в доме у Зины. Общественность ее подозревала в низкой социальной ответственности – вернее, в проституции, но я как частый гость в ее доме мог сказать со знанием дела – это ложь. Зина просто искренне любила секс, денег за него не брала и занималась им только с теми, кто ей нравился, пусть и нравились многие! Зина в свои неполные тридцать лет умом особенно не блистала, но, если считать опыт мудростью дураков, была довольно разумной. По крайней мере, знала, чего хочет. Имела десять классов образования и умудрилась заставить бывшего мужа при разводе переписать на нее дом. Около пяти лет торговала ширпотребом в маленьком магазинчике неподалеку и не роптала. В счастливый исход любых семейных отношений не верила и достигла того края, где они видятся преградой для удовольствий. А чего только стоили ее застольные рассказы! Лично мне особенно нравился один: о том, как пять или шесть чьих-то жен приходили к ней с запретом спать с их мужьями. И как после отказа Зины они ринулись в атаку и как их скрутил подозрительно расторопный наряд милиции – красота! Все же Зина веселая женщина, к тому же еще и красивая. Вообще она наверняка могла бы заполучить в свой плен кого-нибудь взрослого и солидного мужчину, но

предпочитала таких неловких едва совершеннолетних пацанов как мы, кстати и ее подруги тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.